

10 Dubna 1933.

Volné Kozáctvo

Ročník VI.

126

10-го апреля 1933 г.

10-го квітня 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. † Б. Кундрюцков: * * * (Verše).
  2. П. Крюков: На смерть Б. Кундрюцкова. (Verše).
  3. П. Мерзликин: Кавказские были. (Kavkazské minulosti).
  4. И. М. Назаров: На смерть Б. А. Кундрюцкова. (Verše).
-
5. Трагедия Казачества. (Tragedie kozáctva).
  6. Чужинец: Революционное казакофильство начала 1870-х годов — Бакунин и Лавров. (Kozákofilstvo revolucionářů začátku roků 1870-ých: Bakunin a Lavrov).
  7. Константин Поляков: О творчестве Б. А. Кундрюцкова. (O tvorbě B. Kundrjuckova).
  8. Книгочий: Ф. Д. Крюков и его творчество в годы войны и революции. (F. D. Krjukov a jeho literární práce během války a revoluce).
  9. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
  10. Всем казакам. (Všem kozákům).
  11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
  12. В Казакии. (V Kozácku).
-

Почтовый ящик.

Скопье. — П. С. — Получено. Привет.
Варшава. — А. М. — Получено. Привет.
Клевелянд. — М. К. — Будет напечатано в след.
номере. Привет.
Бока-Каторска. — Э. Х. Д. — Начну печатать в
ближайшем номере. Привет.
Лион. — А. Л. — Получено. Привет.
Антиб. — А. С. — Хорошо. Привет.

Швеция. — А. Т. — Послана второй раз. Привет.
Румыния — И. К. — „В. К.“ посылаем. „Думы“ пре-
кратили свое существование еще в 1924 году.
Привет.
Гельсинки. — И. В. — Ответ — письмом. Привет.
Бухарест. — С. М. — Получено. Привет.
Бразилия — С. С. — Одержано. Вітаємо.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Н. М. Дмитренко — Београд.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленинов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Uginé.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

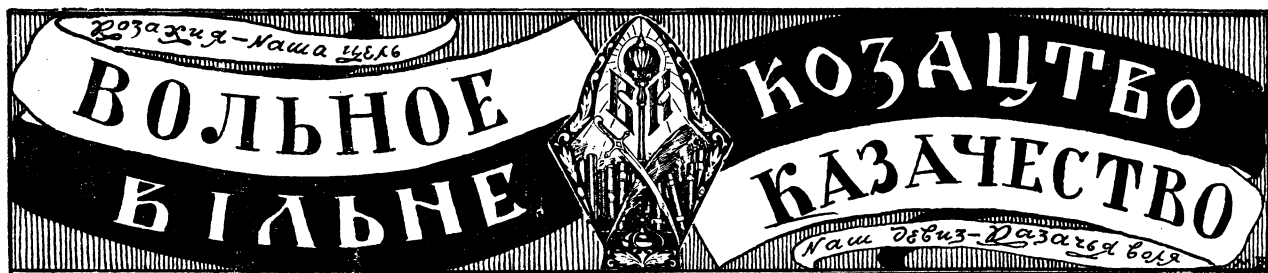
С. Савицкий. S. Savitzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 126

Понедельник, 10 апреля, 1933 = Понеділок, 10 квітня, 1933.

№ 126

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Редакция „В. К.“ поздравляет всех своих сотрудников и читателей с наступающим праздником Светлого Христова Воскресения.

Всем казакам — в рассеянии и там, под оккупантами, сущим — посылаем свое братское

Христос Воскресе!

Да воскреснет и Казачество и да исчезнут враги его!

Борис Кундючков. (+)

* * *

Певучий стих рассеет подозренья,
Идеи стяг нас всех объединит,
И вождь в одно сольет наши стремленья,
И вера нам свободу воротит.

Казачий Край пробудится... В упорной
Наш брат борьбе не изнемог.
Казак-боец с улыбкою задорной —
Он из стремья своих не вынул ног.

Не опустил кривую шашку книзу,
И пики след и меток и кровав,
Смеемся мы судьбины злой капризу,
Оковы все порвав...

Как долго враг со злобою не бился —
Он не смутил казачие умы:
Кто казаком от казака родился,
Того в рядах давно узнаем мы...

Он там стоит на страже нашей Воли
Казак-герой, герой и патриот,
Для Края он желает лучшей доли
И за народ казачий лишь умрет.

Певучий стих рассеет пусть сомненья,
Идеи стяг нас всех объединит,
И вождь в одно сольет все устремленья,
И вера нам победы воротит...

Петр Крюков. (Франция).

НА СМЕРТЬ БОРИСА КУНДРЮЧКОВА.

Еще один... из легиона чести...
Погиб, как воин, на посту своем...
Погиб... не донеся к рядам врагов той мести,
Что зажглась в груди сжигающим огнем.

Он не донес ту месть — огонь Казачьей
До Дона Тихого родимых берегов: [Воли —
Разя пером преграды нашей Доли,
Мечтал он шашкой сбить с Отчины цепь
Но... не судьба!.. Вдруг почему-то Богу [оков.
Потребовался он (хоть здесь он был нужней!).
Смерть прервала поэту вольную дорогу
И не увидит он теперь своих родных степей.

О! Почему — всегда: жизнь создает роскошный,
По прелести своей единственный, цветок, —
Не дав ему расцвести кривой смертью

взбаломошной

Подкашивает вдруг тот хрупкий стебелек?
Певец приволья — жаворонок звонкий,
Взлетая ввысь, льет трели над землей, —
Вдруг ястреб падает... На ноте нежно-тонкой
Перевана струна, не кончив песни всей...

О! Почему — всегда: когда народ страдает
В ярме неволи, в рабстве у врага —
Творец сынов народа лучших отнимает?
О! Почему?.. Зачем же так — всегда???

3-III-1933 г. Шато Шабан.

Петр Мерзликин. (Београд).

Кавказские были.

„Роясь как-то в старых книгах,
Я нашел в пыли и плесни
Никогда никем на свете
Непрочитанную песню“...

П. Поляков.

Родная картина... Степь... Степь волнистая, поглотившая в своем просторе отроги Кавказских гор. И, словно уснувшая стража, берегут сотни лет степной простор неведомо когда и над кем насыпанные курганы...

По неглубокой балке, густо заросшей камышом, ежевикой и мелким кустарником, течет речушка „Камышеваха“. Воды не видно; слышно только ее веселое журчание. Выбравшись из балки и, блеснув раз другой сквозь заросли камыша, она исчезла в соленом лимане...

Осень... Степь кое-где излатана некрасивыми, портящими всю прелесть картины Великого Художника, всю прелесть родной шири, черными латками, — казаки пахнут.

Земля не деленная, вольная; лаши, сколько выпашешь и где хочешь... Вдали на кургане „пикет“. Едва можно разглядеть казака, зорко осматривающего окрестность. Под курганом несколько оседланных лошадей...

Едва только ночь начнет вступать в свои права и солнце, послав прощальный луч, уйдет на покой, все работающие в степи должны собраться у кургана. Вozы все ставят в круг, внутрь забираются жены и дети и загоняют скот. Казаки располагаются на возах и с оружием до утренней зари охраняют покой своих близких и свое достоинство. Утром, когда казачий раз'езд обшарит степь, все вновь тянутся на свои участки...

Вечерет. Казаки потянулись к сборному месту. У самой Камышевахы задержалось еще двое...

— А знаешь что, Тихон, давай не поедим нонче на сборный, — предложил один, — а завтра пораньше встанем и допашем.

— Это-то хорошо, да чтоб не быть нам в ответе, Гаврила, — нерешительно согласился Тихон.

— Ну, думаю, не заметят, — успокаивал Гаврил своего друга, — а часы будем держать по очереди.

Гаврил и Тихон были однолетки и жили по соседству на „Кугульках“ (верхняя часть станицы по р. Кубани). Каждый из них порознь имел только по паре быков, что было не достаточно по целинному чернозему и оба друга каждый год „спрягались“, т. е. впрягали в один плуг обе пары...

Оставшись в степи на свой страх и риск, казаки, с солнечным закатом, стали устраиваться на ночлег. Быков привязали к возу, сами расположились в шалаше, а перед шалашем поставили чучело из снопа соломы, напавивши на него черкеску и нахлабучивши папаху. Чучело подперли палкой. Издали, да еще в темноте, как будто казак на часах, опершись на ружье или пикун...

Для большего сходства с „линейцем“ даже конопляную бороду прицепили.

Из огнестрельного припаса одна — кременка на двоих. Первая стража выпала Гаврилу. Осмотрел он ружье, подсыпал пороку на полку и уселся у входа в шалаш. Спустилась ночь темная, но звездная. Тихон вскоре захрапел. Быки улеглись и лениво пережевывали свою жвачку...

Беки отяжелели и изредка закрывали глаза, но Гаврил продолжал бодрствовать, всматриваясь в темноту и прислушиваясь...

... Шорох... Заколыхался росший неподалеку бурьян. Гаврил напряг зрение и чувствует, что шапка у него сползает на затылок, — прямо к балагану, подбираясь к чучелу, ползет черкес с кинжалом в зубах. Другой уже режет налыгачи, которыми были привязаны быки.

— Тихон... Тихон...

— А! что?..

— Молчи... тише... черкесы...

Тихон сразу проснулся.

— Ну, что делать Гаврил?..

— Кидайся ты на того, что около быков, а я на этого...

Ура!.. заорали казаки дикими голосами и вылетели из шалаша.

Ближайший горец вскочил на ноги, быстро перехватив кинжал в руку. В это время с ним вплотную столкнулся Гаврил, ударивши дулом по плечу горца и дернувши машинально спуск... Над ухом черкеса раздался оглушительный выстрел. Растерявшись, он, не пытаясь пустить в ход кинжал, бросился уходить вслед за товарищем, оставившим быков и скрывшимся в бурьянах...

Преследовать их в темноте, по бурьянам, казаки не рискнули.

Вскоре, на выстрел, примчался от кургана дежурный взвод казаков...

— В чем дело? что такое?..

— Черкесы...

— Где?.. и взвод бросился по указанному направлению, но горцев и след простыл...

— Ну хорошо, что быков не угнали...

— Хорошо то оно хорошо, да не доже, — заметил Тихон, — как вот еще посмотрит начальство...

Действительно, нужно было выкручиваться. И потому нельзя сказать, чтобы наши „герои“ хорошо себя чувствовали, когда на утро явились к сотнику, начальнику пункта. Но видно и сотник придерживался правила, что победителей не судят и не стал делать для молодых казаков исключения. Выслушав строгий выговор и предупреждение „чтобы впредь этого не повторялось“ и сдвинув папаху на затылок, казаки поторопились на свой „кош“...

И. М. Наваров. (Югославия).

НА СМЕРТЬ Б. А. КУНДРЮЦКОВА.

Он умер молодой, красивый как святой,
С лицом несущим тень печали,
С широкой гордою казачьей душой,
С глазами закаленной стали.
Он умер молодой, красивый... Всюду там,
Где Родина звала, он отзывался первый;
Он отвечал на вызовы врагам;
Он рвал трепещущие нервы.
За Родину свою, на волю и свободу
Влекла его борьба. Он не жалел себя,
Жизнь отдавал родимому народу
И умер, Родину жалея и любя.
Он умер потому, быть может, что раз'езды
Не вел в степях, где дышится легко,
Что, как поэт, не мог глядеть на звезды,

А разносил в чужбине молоко.

Он умер потому, что силе соколиной
Полета не было в низинах наших дней
И мелочность забот свивалась паутиной
Вокруг его путей.

Он умер потому, что роли иноземца
И странника, гонимого судьбой,
Не вынесло истерзанное сердце
И он ушел... красивый, как святой.

Не плачу я... Я знаю не слезами
Хотел бы он быть памятен у нас,
Но гордостью, идейностью, огнями
Его задумчивых и безутешных глаз.
И в день, когда взлетит призывная ракета
И вскинется из жерл орудий дикий вой,
Тень юноши — народного поэта —
Мелькнет меж нас... И загорится бой...

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

Из предыдущего описания событий на Кубани мы уже видели, благодаря каким причинам Кубанское Правительство принуждено было в ночь на 1-е марта 1918 года (все даты, повторяем, по старому стилю) оставить Екатеринодар; видели мы также, в каком ужасном положении был кубанский отряд 11 марта. Исторической судьбе было угодно, чтобы в тот же день, 11 марта, к Кубанскому отряду прибыл раз'езд Добровольческой армии. Это обстоятельство имело весьма большое значение для последующих событий не только на Кубани. Встретились два центра государственной и национальной идеи: один — стремился к возрождению единой и неделимой России, другой — к освобождению своего народа; один — защищал диктаторский образ правления, другой — демократический; один — нес реставрацию старого социального строя; другой — забирал земли у частных владельцев и проводил радикальное рабочее законодательство... Сходство между ними заключалось в весьма тяжелом положении обоих центров в тот момент, — в общей для них угрозе полного уничтожения большевиками.

Организация русского добровольческого движения для спасения России от большевиков не удалась на Дону, несмотря на поддержку добровольцев со стороны донских властей, несмотря на то, что сам Донской Атаман Каледин объединил одно время свои действия, как Донского Атамана, с генералами Алексеевым и Корниловым. На Дону не удалось собрать сколько-нибудь значительные силы из русских патриотов, готовых умирать за Россию. По этому поводу генерал Деникин пишет следующие:

„Важнейшие центры — Петроград, Москва, Киев, Одесса, Минеральные Воды, Владикавказ, Тифлис — были забиты офицерами... Большая группа офицеров, преимущественно гвардейских, в Минеральных Водах не откликнулась вовсе на призыв командированного туда генерала Эрдели... Напор большевиков (на Ростов и Новочеркасск) сдерживали несколько сот офицеров и детей — юнкеров, гимназистов, кадет, а пантели кафе Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступающими в армию. После взятия Ростова большевиками, советский комендант Калюжный жаловался в совете рабочих депутатов на страшное обременение работой: тысячи офицеров явились к нему в управление с заявлениями, „что они не были в добровольческой армии“... Так же было и в Новочеркасске. Донское офицерство, насчитывавшее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска вовсе уклонялось от борьбы: в донские партизанские отряды записывались десятки, в Добровольческую Армию единицы“ (Деникин, т. II, стр. 167).

Весьма характерным для русского офицерства было отношение к Добровольческой армии и к советской власти старого полководца, генерала Брусилова, находившегося в начале 1918 г. в Москве. Сначала он как-будто соглашался помогать генералу Алексею в деле организации добровольцев, но потом, „пользуясь остатками своего авторитета“, пишет Деникин, „запретил выезд офицерства из Москвы на Дон.“ Такое свое поведение генерал Брусилов объяснял так:

„Я подчиняюсь воле народа — он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой советской власти; но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною родины“ (Там же, стр. 198).

Мы уже видели, как русские офицеры в Петрограде помогли закреплению там большевизмской власти, видели также, что русские войска против Казачества вели русские офицеры. Этих фактов забывать не следует.

Добровольческая армия в период своей организации на Дону 27 декабря 1917 г. обнародовала воззвание, в котором, между прочим, говорилось:

„... Новая армия (Добровольческая) должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного Собрания державную свою волю. Перед Волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным Собранием... Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его Правительства и Войскового Атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевизмского ига, — все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют...“ (Там же, стр. 198—199).

Как видно из этого воззвания, Добровольческая армия бралась защищать Учредительное Собрание, всецело и беспрекословно подчинялась воле народа, собиралась защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших приют русским людям... Эти призывы почти совершенно тождественны тем, под которыми полгода позже организовался на Волге фронт Учредительного Собрания. Таким языком говорили русские люди, когда в тяжелую минуту попадали на нерусские земли и хотели население этих земель использовать для русских целей...

Несмотря на эти призывы, несмотря на то, что во главе Добровольческой армии стояли известные всей России генералы, в эту армию записалось, сравнительно, очень и очень немногих добровольцев. Перечислив названия добровольческих частей, генерал Деникин следующими словами оценивает численность Д. армии:

„Все эти полки, батальоны, дивизионы были по существу только кадрами, и общая численность всей армии вряд ли превосходила 3—4 тысячи человек, временами, во время ростовских боев, падая до совершенно ничтожных размеров“ (Там же, стр. 200).

После того, как небольшая Добровольческая армия при отступлении с Дона попала на Кубань, кубанские казаки начали поступать в армию: станица Неземаевская выставила отряд человек в 150, в районе ст. Кореновской присоединился большой отряд ст. Брюховецкой. Словом, добровольческие руководители воспользовались работой Рады и Кубанского Правительства, положивших столько энергии для поднятия Казачества. В момент встречи Добр. армии с Кубанской кубанские казаки составляли значительную долю Добр. армии.

Обе эти армии, по сути, были двумя небольшими отрядами, потопавшими в большевизмское море. Добровольческая армия прошла долгий и тяжелый путь с Дона на Кубань в зимнее время, стремясь соединиться с кубанскими войсками. А Кубанская армия, получив в станице Пензенской сведения о приближении Корнилова с севера к Екатеринодару, поспешила подойти к югу к этому городу.

Добровольческая армия еще в Ростове заявила, что „первая непосредственная цель Добр. Армии — противустоять вооруженному нападению (большевиков) на Юг и Юго-Восток России.“

Как мы видели, эта Армия хотела действовать „в союзе с областями и народами России... Защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших приют русским людям“. С своей стороны, предсе-

датель Кубанского Правительства Л. Л. Быч, председатель Рады Н. С. Рябовол и Войсковой Атаман перед самым выходом из Екатеринодара распубликовали обращение „к населению“, в котором заявляли, что они не отказываются от России, но желают видеть ее устроенной на федеративных началах.

Носители идеи русской государственности принуждены были укрыться в Казачьих Землях и трехмесячный период своей горячей работы на Дону закончили тем, что принуждены были уходить далеко на юг.

Кубанская власть, являясь, по сути, носительницей идеи освободительного движения своего Края, тоже принуждена была уходить на юг с отрядом, в большинстве своем состоявшим из кубанских казаков.

Добровольческая армия имела прекрасных боевых генералов, среди них сибирского казака Корнилова, прошедшего ее с Дона на Кубань, причем добровольцы 4 раза перешли железную дорогу, переправились через много степных рек, потом через Кубань, Лабу, Белую, Пишиш и Псекупс, выиграв при этом несколько весьма серьезных сражений (под Лежанкой, Кореновкой, Филипповским), а Кубанская армия, благодаря предательству со стороны Кубанского Атамана Филимонова, поставившего во главе ее Покровского, благодаря бездарности начальника штаба, полковника В. Науменко, беспомощно металась на небольшом пространстве земли и не могла 10 марта прорваться даже через одну реку Псекупс...

Слабость добровольческих руководителей заключалась в том, что они не встретили поддержки со стороны русских людей, сила их заключалась в том, что все они служили одной и той же идее.

Слабость Кубанского правительственного центра заключалась в том, что он, собственно, не был единым центром, а было их там два: русский кубанский центр и кубанский кубанский центр. Кубанская Рада в государственном строительстве одобряла то, что предлагали самостийники, но в Кубанские Атаманы избрала русского человека, поверив в его честность, в то, что он будет верен присяге. Кубанские самостийники вели большую работу по организации Края, по поднятию его населения для вооруженной защиты, но это население, створившись на Конституции, на составе Законодательной Рады и Правительства, не захотело сразу восстать на защиту Края и Правительство повисло в воздухе, имея над собой выбранного Радой Войскового Атамана, служившего в первую очередь единой-неделимой. Создалось трагическое положение не только для самого населения, но и для казачьей интеллигенции, вышедшей из самой толщи народной. Сила самостийного кубанского центра (большинство Законодательной Рады и части Куб. Правительства) заключалась в твердой вере в то, что население Кубани восстанет против большевиков и приступит с оружием в руках к освободительной борьбе. Только благодаря твердой вере в казачье население своего Края, Кубанская Рада и Правительство пошли в поход из Екатеринодара, дабы сохранить, с таким трудом созданный, центр государственной жизни Кубани.

При всех этих условиях сама жизнь поставила вопрос, а что же дальше? Что делать теперь, когда в таких тяжелых условиях встретились два отряда — Кубанский и Добровольческий? Многие из того, о чем мы теперь знаем, как о достоверных фактах, тогда совсем не было известно. Скажем, молниеносное повышение Покровского и назначение его на пост командующего Куб. армией объяснялось требованием офицеров с главного (тихорецкого) направления, группа которых действительно приехала 14 февраля в Екатеринодар и настаивала на назначении Покровского, угрожая, в противном случае, оставить фронт; это назначение официально объяснялось также и отказом старших кубанских офицеров принять пост командующего Куб. армией; не было также известно о протестах со стороны части кубанского офицерства против назначения Покровского на пост командующего армией. О молодом начальнике штаба, полковнике Науменко, тогда еще думали в Раде, что он преисполнен любовью к возрождающейся Кубани; действительная роль этого человека стала известной только в 1919 году, что и принудило Законо-

дательную Раду удалить его с поста военного министра Кубани...

Если в Раде не знали и не подозревали тогда о многих обстоятельствах, губивших Кубань или подготавливавших ее гибель, то тем более ничего не знало всего этого население Кубани... Выступление одного из членов Рады после выборов Филимонова в Атаманы и крик этого депутата, что эти выборы означают „могилу Казачества“ и его истерический плач, объясняли тогда не правильным политическим чутьем, а задетым самолюбием, что не прошел кандидат Ейского отдела, генерал Кияшко...

Многое стало известно только позже и даже только за границей, при чем в виду упорного молчания тогдашних руководителей политической жизни Кубани (в 1917—1920 г.г.), многое остается неизвестным и до сих пор...

После боя 11 марта кубанские войска продвинулись в ст. Калужскую и там остановились. Войска Корнилова заняли аул Шенджий, верстах в 15 от Калужской. 14-го марта, произведенный в генералы Покровский, в качестве командующего Кубанской армией, и начальник его штаба, полковник Науменко, направились в Шенджий на свидание с командованием Доброй армии, с целью обсуждения вопроса о дальнейших действиях встретившихся войск. При всех, теперь только известных, условиях совершенно естественным было требование, выставленное добровольческими генералами, о полном подчинении Кубанской армии генералу Корнилову. Генерал Эрдели, вместе с Покровским и Филимоновым блестяще выполнили задание добровольческих генералов: „подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой армии“ (Деникин, т. II, стр. 269). Русские деятели разыгрывали только последний акт. Это свидание генерал Деникин описывает так:

„В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошел молодой человек (Покровский) в черкесске с генеральскими погонами... повидимому несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда, Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоянием отряда, его деятельностью и перешли к самому вопросу о соединении. Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влечение кубанских войск в состав Добровольческой армии. Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует „конституции края“; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного „кубанского отряда“ и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспылал.

— Полно-те, полковник — извините, не знаю, как нас и величать. Войска тут не при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

Корнилов сказал внушительно и резко:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству“ (Деникин, т. II, стр. 273).

По поводу результатов этого свидания быв. Кубанский атаман Филимонов сообщает следующее:

„Решено было оставить суждение об этих вопросах (соединении армий) до встречи с представителями Кубани, а пока Покровский поступал в распоряжение Корнилова с сохранением функций командующего армией“ („Белое Дело“, т. II, ст. Филимонова).

Так состоялось фактическое подчинение Кубанских вооруженных сил группе русских генералов благодаря работе кубанских полковников — Филимонова, Наумен-

ко и других. Русские генералы тогда еще не чувствовали себя настолько сильными, чтобы немедленно разогнать Кубанскую Законодательную Раду и Правительство. Филимонов, конечно, радостно шел бы и на это, если бы только разгон совершился не с его непосредственным распоряжением. Об отношении Филимонова к Раде и Правительству в начале 1918 г. ген. Деникин говорит следующее:

„Атаман Филимонов то клялся в конституционной верности, то поносил Раду и Правительство в дружеских беседах с Эрдели и Покровским“ (Деникин, т. II, стр. 269).

17 марта 1918 года в станице Ново-Дмитриевской между представителями Кубани и Добровольческой армии было подписано следующее соглашение:

„Протокол совещания

17 марта 1918 года, в станице Ново-Дмитриевской.

На совещании присутствовали:

Командующий Добровольческой Армией, генерал от инфантерии Корнилов; генерал от инфантерии Алексеев; помощник Командующего Добровольческой Армией, генерал-лейтенант Деникин; ген. Романовский; генерал от инфантерии Эрдели; генерал-лейтенант Гулыга; Войсковой Атаман Кубанского казачьего Войска, полковник А. П. Филимонов; председатель Кубанской Законодательной Рады, Н. С. Рябовол; товарищ председателя Кубанской Законодательной Рады, Султан-Шахим-Гирей; председатель Кубанского Краевого Правительства, Л. Л. Быч; генерал-майор Покровский.

Постановили:

1. В виду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Кубанский Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского Края с его начальником штаба отзываются в состав Правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии.

Подлинное подписали: генерал Корнилов, генерал Алексеев, генерал Деникин, Войсковой Атаман полковник Филимонов, генерал Эрдели, генерал-майор Романовский, генерал-майор Покровский, председатель Кубанского Правительства Быч, председатель Кубанской Законодательной Рады Н. Рябовол, товарищ председателя Законодательной Рады Султан Шахим-Гирей.

Выработка и подписание этого соглашения между группой русских генералов и представителями выборной кубанской власти происходили под непрерывный гул орудий и клекот пулеметов, так как в это время велся горячий бой с наступающими весьма упорно на станицу Ново-Дмитриевскую большевистскими войсками. Пули барабанили о крышу дома, где сидели договаривающиеся и, наконец, большевики ворвались в станицу, но потом были выбиты из станицы и отступили. И состав совещания, и самый текст протокола-соглашения, полного неясностей и противоречий, и условия, при которых все это происходило, являются весьма и весьма характерными, как для русского единоединельнического, так и для кубанского освободительного движения.

В Ново-Дмитриевскую пришла русская сила, ища лучших условий для достижения своих единоединельнических, противобольшевистских целей, эту силу увеличивали силы кубанских единоединельнических — Филимоновых, Науменок, Гулыг и т. д.; сюда же принуждена была уйти из Екатеринодара и Кубанская Зак. Рада и Правительство, ослабляемые не только политикой Филимоновых, но и обыкновенными русскими людьми, которые, хотя

и в меньшинстве, входили в состав Рады и Правительства; кубанское самостоятельное течение не смогло и не сумело организовать военную опору для достижения своих целей: вольно-казачье движение, возглавляемое Кондратом Бардижем, рассыпалось и сам Бардиж, оторвавшись добровольно от кубанского правительственного центра и уйдя с сыновьями в горы, был пойман большевиками и убит в Туапсе; набор чисто украинского отряда „Сичи“ дал слабые результаты — в поход ушло около 100 человек; кубанские войсковые части старого состава не поддержали правительства и были распушены или сами разошлись по домам; распоряжение Куб. Правительства о присылке в Екатеринодар всего по 5-ти казаков от каждой тысячи казачьего населения тоже не увенчалось успехом (нам известно, что только станица Неземаевская прислала в Уманскую 11 февраля своих 50 человек; об исполнении этого приказа другими станицами нам ничего не известно). В результате всего этого Кубань была залита волною большевизма и в день заключения договора, 17 марта 1918 года большевистские войска, тоже руководимые русскими единоединельническими, громили и русский противобольшевистский центр — добровольческих генералов, и кубанский центр — Правительство и Раду. Среди наступающих на станицу большевиков были и казаки соседних станиц...

Таким образом, слабые силы кубанского освободительного движения оказались между двух огней: с одной стороны, русские красные силы, поддерживаемые и кубанскими красными силами, с другой стороны, русские белые силы, поддерживаемые кубанскими белыми единоединельническими. Рядовое кубанское казачество добровольно присоединялось тогда к Корнилову и увеличивало его силы, присоединялось оно, как мы видели, и к большевикам. Из кубанских казаков вышло не мало организаторов большевистских сил, среди этих казаков весьма видное место занимает казак станицы Елизаветинской Полуян, бывший потом даже секретарем Центр. Исполнительного Комитета Российской Федеративной Республики. Весьма видное место среди большевиков занимал кубанский казак Сорокин, бывший членом Общеказачьего фронтового Съезда в Киеве, кажется даже членом Куб. Рады, а потом главным командующим большевистскими вооруженными силами на Кубани и на Северном Кавказе во время всеобщего восстания кубанских казаков против московской большевистской власти и боев за освобождение Кубани во второй половине 1918 года... В то время, как кубанским белым единоединельническими помогали активно общерусские единоединельнические, а кубанским красным единоединельническими помогали общерусские красные единоединельнические, кубанские самостоятели не встретили серьезной поддержки со стороны самостоятников других народов. Власть Украины принуждена была уйти из Киева в Житомир с 2-3-х тысячным отрядом и возвратилась в Киев только при помощи немецких войск. На Украине и в Казачьих Землях в первый период борьбы свои национальные силы оказались настолько слабыми, что большевистская Россия сравнительно легко их побеждала, выгоняя Правительства вновь созданных республик из Киева, Новочеркасска и Екатеринодара. Общие причины (отсутствие национального самосознания в населении, отсутствие вождей) порождали общие следствия (победу красной России).

Объединенные Кубано-Добровольческие войска были разделены на 3 бригады: 1-ая генерала Маркова, 2-ая генерала Богаевского (будущего Донского Атамана) и конная — генерала Эрдели. В ближайшие дни они разбили большевистские заслоны у станиц Смоленской, Северской и Афипиской и у станицы Елизаветинской (в 24-х верстах к западу от Екатеринодара) переправились на правый, высокий, берег Кубани и повели энергичное наступление на Екатеринодар.

Мобилизация казаков, объявленная Кубанским правительством в станице Елизаветинской, прошла блестяще и новые сотни кубанцев пополнили ряды бойцов. Объявлена была также мобилизация в станицах Марьянской и Ново-Мышастовской.

Как известно, четырехдневные весьма упорные и тяжелые бои под Екатеринодаром окончились смертью

Корнилова и отступлением противобольшевических сил от столицы Кубани. Со стороны наступающих были проявлены чудеса храбрости и самопожертвования, а со стороны большевиков — умение оказывать успешное сопротивление наступающему дисциплинированному противнику. Нужно признать, что исход жестокого боя в значительной мере определился отсутствием запасов снарядов и патронов у наступающих на Екатеринодар.

Во время известного отступления от Екатеринодара Кубанский Атаман Филимонов, Председатель Правительства Быч и председатель Рады Рябовол выступали на станичных сходах больших станиц с горячими призывами к борьбе за свободу и независимость Кубанского Края; тут же объявлялись мобилизации казаков. Этим путем пополнялись ряды армии. Кроме того, Кубанское Правительство приняло на себя оплату квитанций за реквизированных лошадей и снаряжение для армии и выдало генералу Алексею один миллион рублей. Вообще говоря, Кубанское Правительство выпол-

няло принятое на себя обязательство поддержки армии, предполагая, очевидно, что и руководители последней тоже выполнят взятые на себя обязательства, тем более, что они сами, как мы видели, еще на Дону торжественно заявили, что будут идти в союзе с народами России и Добровольческая армия до последней капли крови будет защищать самостоятельность Областей...

В станице Успенской были получены сведения о боях под Армавиrom между большевиками и храбрыми казаками станицы Прочноокопской, о бывшем недавно восстании казаков ст. Кавказской, подавленном большевиками, и о начавшемся движении на Дону. Наконец, в ст. Успенскую прибыл целый отряд от казаков составших донских станиц. Руководствуясь полученными от этого отряда сведениями, Кубано-Добровольческие силы направились на Дон, куда и прибыли 20 апреля 1918 года.

(Продолжение следует).

Чужинец.

Революционное казачофильство начала 1870-х годов — Бакунин и Лавров.

Казачофильство русской революционной интеллигенции 70-х гг. было совершенно особенное. В ее глазах казачество было особой группой населения сперва Московской Руси, а затем Российской Империи, которая почему то особенно склонна была к идеям республиканским в области политической, к идее личной свободы и социального равенства в области гражданской. Из сочинений Щапова, Костомарова, Антоновича и некоторых других интеллигенция почерпала некоторые сведения о прошлом казачества, но вряд-ли она имела ясное представление о государственном характере „общин“ уральского, донского, запорожского казачества, даже Гетманщины.

За то роль казачества, как защитника угнетенных масс простого народа, как вождя восставшего крестьянства в Смутное время, при Разине, при Пугачеве — роль социального освободителя и уравнилителя приводила революционную интеллигенцию в восторг. Желание использовать казачество для освобождения крестьянской массы заставляло ее ближе интересоваться самим казачеством.

Два писателя этого времени больше всего способствовали поголовному увлечению казачеством в среде революционной молодежи: Бакунин и Лавров, оба писавшие и печатавшие за границей. Бакунин, в писаниях последних 10 лет своей жизни, неоднократно возвращался к казачеству, к Разину, Пугачеву.

„Социализм“ казачий, социальное равенство внутри казачьей общины казались ему гораздо выше социалистических проектов западно-европейских мыслителей. Восхваляя анархию, как идеал общественного устройства, Бакунин писал в 1870 году: „В казачьем кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани по выходе оттуда Стапана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Каба и Луи Блана и прочих социалистов, чем в ассоциациях Чернышевского“.¹⁾ Таким образом, казаки оказывались прирожденными социалистами, и оставалось лишь насадить „казачину“ по всей России.

В 1862 г. Бакунин гадал, за кем — в конце концов, пойдет Россия — „за Романовым, за Пугачевым или, если новый Пестель найдется, за ним?“ Охотнее всего он готов был пойти за Романовым, „если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского“. А, „если царь изменит России“, кто станет во главе движения? „Самозванец — царь, Пугачев, или новый Пестель — диктатор?.. Если Пугачев,

то дай бог, чтобы в нем нашелся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию в крови. Если Пестель, то пусть он будет человеком народным, как Пугачев, ибо иначе его не потерпит народ.“²⁾

В 1866 г. Бакунин уже считал „нелепостью“ брошенную Герценом мысль „об Императоре, который, отрекаясь от Петровщины, совместит, быть может, в себе Стеньку Разина и царя“.³⁾ Он бранил „Колокол“ за его защиту крестьянской общины в виду реакционного значения этой общины в жизни народа. „Есть, правда, — добавлял Бакунин, другая сторона, бунтовская, Стеньки-Разиновская, Пугачевская, раскольничья — единственная сторона, от которой должно, по моему мнению, ждать морализации и спасения для русского народа. Ну да это сторона уж... чисто революционная...“ Пробуждение свободы в России мешает государству. „Московское государство, которое убило в русском мире все живые зачатки народного просвещения, развития и преуспеяния, зацветшие, было, в Новгороде, потом в Киеве; которое погубило их вторично подавлением казачества и раскола“...

Бакунин заключал, что „государь и государство, кроме зла, ничего народу сделать не могут“, издевался над идеей „императора, совмещающего царя и Стеньку Разина“ и заявлял: „первая обязанность нас, русских изгнанцев, — это провозглашать громко необходимость разрушения этой гнусной (Российской) империи“.⁴⁾

Выступая с речью на конгрессе Лиги Мира и Свободы в Швейцарии, в 1868 г., Бакунин противопоставил „империю, состоящую из великой и малой России и всех покоренных земель“ — народу, рассказал вкратце русскую историю и изобразил Смуту, как „истинное восстание народных масс против тирании московского государства, бояр и церкви“. Михаил Романов, по его мнению, принял условия депутатов Земского Собора 1613 г. — „уничтожение московской бюрократии и автономии общин и областей, следовательно, совершенное уничтожение гегемонии и всемогущества Москвы“. Алексей Михайлович „с помощью дворянства и церкви восстановил. Тогда то поднялось народное восстание, носившее на себе тройной характер: религиозный, политический и социальный — восстание Стеньки Разина, первого и самого страшного революционера в России“. Он поколебал могущество Москвы в самом основании,

²⁾ Брошюра „Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель?“ Лондон, 1862, см. „Письма“, с. 416—417.

³⁾ Письмо к Герцену 19 июля 1866 г. из Искии, „Письма“, с. 174.

⁴⁾ „Письма“, с. 178, 180.

¹⁾ „Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела“ (без подписи) в „Народной Расправе“ № 1.

но был побежден реорганизованными по-европейски войсками.

Но народ не покорился рабству... „Пугачев, простой донской казак, поднял всю восточную Россию“... „Вся народная Россия, Россия крестьянская, пробужденная, воспламененная доброй вестью, взволновалась. Народ ждал Пугачева в Москве. Если-бы он пришел, русская империя погибла-бы безвозвратно...“

Целью грядущей революции Бакунин ставил „разрушение империи“... „Мы хотим счастья, достоинства, свободы нашего народа, всех народов русских и не русских, заключенных ныне в империи“. Для этого, восклицал Бакунин, — „мы хотим совершенного разрушения Российской Империи, полного уничтожения ее могущества и ее существования“⁵⁾. Интересно отметить, что в этой-же речи Бакунин называл русский народ „социалистом по инстинкту и революционером по природе“.

В 1869 г. произошли в России студенческие беспорядки. Бакунин откликнулся на них из-за границы прокламацией „Несколько слов к молодым братьям в России“, оказавшей на молодежь чрезвычайно сильное влияние. Возражая на клеветы Каткова в „Моск. Ведомостях“, Бакунин писал: „Нет не влияние польских интриг, а другая, более громадная сила движет русского молодежь — сила народная. Приближаются времена Стеньки Разина... Теперь, как и тогда, волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь, все более понимающая царский обман, и ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу, путем, указанным ей Стенькою Разиным...“

„Кто победит в этот раз? Народ, без сомнения. Стенька Разин был богатырь, но был один между всеми и над всеми; его личная громадная сила не могла устоять против сплотившейся и организовавшейся государственной силы, так как в народе, производительством им одним, не было и тени организации. Погиб он, и все погибло. Теперь будет не то. Не будет вероятно народного богатыря Стеньки Разина... Но будет легион бессословной и безымянной молодежи... Стенька Разин, на этот раз не одинокий, а коллективный, и тем самым непобедимый, у ней за плечами...“

И Бакунин призывает „молодых друзей“ бросать скорее „этот мир, осужденный на гибель, эти университеты, академии и школы“ и идти в народ... „Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука...“⁶⁾

Революционная молодежь не должна была, по мнению Бакунина, учить народ, она должна была сама у него учиться. „Народ сам и лучше нас знает, что ему нужно“, — писал Бакунин в статье „Постановка революционного дела“.

„Мы должны Народ не учить, а бунтовать... соединить все его частные бунты в один бунт поголовный и всесокрушительный, т. е. в народную революцию... Бакунин полагал, что „в России существует издавна два вида народного бунта: бунт мирного села, выведенного из терпения, и разбойничий бунт“. Бакунин восхвалял разбой, как „одну из почтеннейших форм русской народной жизни“... „Разбойник, — восклицал он, — в России настоящий и единственный революционер — революционер без фраз, без книжной реторики, революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый, революционер народно-общественный, а не сословный...“

Казаков считал он, повидимому, разбойниками, борющимися за крестьянский рабочий мир, пока тот спит, задавленный всею тяжестью Государства... „А когда оба бунта, разбойничий и крестьянский сливаются, порождается народная революция. Таковы были, — пояснял Бакунин, — движения Стеньки Разина и Пугачева“... Бакунин уверял молодежь, что по всей России идет непрерывное движение разбойничьего, подземного потока... „Времена приближаются... — вещал он. „Разбойничий мир победил и оживился... Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева“...“⁷⁾

В книге своей „Государственность и Анархия“, вышедшей несколько позже (1872) Бакунин утверждал снова: „первые бунтовщики, первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойники“... Утверждение это, вряд-ли, показалось бы правильным казачеству, если бы дошло до него, да и исторически оно было лживо, и в отношении казачества, и в отношении Разина и Пугачева. Во всяком случае, усердные читатели и почитатели Бакунина выносили из его писаний глубокое убеждение в том, что казачество было защитником крестьянства, Разин и Пугачев были величайшими вождями народных движений, а социальное равенство членов казачьей общины было выше европейского социализма.

В противоположность Бакунину, находившему, что можно и должно „подымать“ народ, т. е. призывать его к восстанию, не имея никакой особой подготовки и знаний, П. Л. Лавров⁸⁾ считал знание обязательным для революционера. В первом сборнике толстого журнала „Вперед“ (издававшегося в Цюрихе, а потом в Лондоне) Лавров напечатал статью „Знание и революция“. В ней он говорил: „Знание необходимо и тогда, когда вы будете рассказывать народу о том, как его деды и прадеды протестовали против подавляющей власти; как образовалась Сечь; как шел народ за самозванцами, за Стенькою Разиным и Пугачевым, за атаманами понизовой волины“⁹⁾, как происходили революции в Зап. Европе и т. д.¹⁰⁾

Один из сотрудников Лаврова, развивая его мысли во II томе „Вперед“, писал в статье „Революционеры из привилегированной среды“ о самомнении одного студента Петербургской Медико-Хирургической Академии: „Посмотрите на этого медика в роли революционера. Спросите его, например, о Стеньке Разине, о котором он, наверное, говорит нередко; спросите, кто такой он был, почему шел за ним народ, какие условия подготовили разинский бунт, почему этот бунт кончился неудачно; почему он, революционер-медик относится к Разину с уважением и считает полезным рассказывать об этом бунте народу; спросите также его, какие черты и факты этого эпизода он считает наиболее важными в пропагандистском отношении“... Автор статьи полагал, что из ответов на эти и подобные вопросы „революционер из привилегированной среды“ ответит, „как круглый невежда, нахальный профан, поп с акушерскими щипцами“...¹¹⁾

Сам Лавров неоднократно касался и вопроса о судьбах казачества, и вопроса о централизации и сепаратизме. В знаменитой книге своей, вышедшей в 1870 г.¹²⁾ под названием „Исторические письма“, Лавров говорил о „границах государства“: „неужели можно видеть прогресс в том, что политические условия, выработанные населением одной части данной территории, вследствие особых интересов и потребностей этой части, будут обязательны для населения другой части той же территории, связанной с первым лишь единством языка и некоторыми другими особенностями культуры?... Искусственное соединение одним принудительным договором людей, имеющих весьма мало общего, ... вносит в население государственной территории лишь взаимное раздражение, т. е. источник сепаратистских стремлений, который опаснее самого распадаения государства“... Лавров был против централизации и против больших государств даже одной национальности. „Даже для древней Руси можно заметить, что преобладание северной Руси над южной и потом Москвы над Русью, при падении самостоятельных народоправств, шло вперед рядом с ослаблением мысли.

⁸⁾ Лавров, полковник и профессор Михайловской Артиллер. Академии был в 1866 г. арестован за радикальный образ мыслей и сослан в Вологод. губернию, откуда в 1870 г. бежал за границу. Здесь в 1873-76 г. г. издавал журнал „Вперед“.

⁹⁾ „Вперед“, сб., т. I, с. 226, „Знание и революция“. Из письма к *.

¹⁰⁾ „Вперед“, т. II, с. 137.

¹¹⁾ Ранее (в 1868-69 г. г.) она печаталась в журнале „Неделя“.

⁵⁾ „Письма“, с. 427, 428, 439.

⁶⁾ „Письма“, с. 467—468.

⁷⁾ „Письма“, с. 473-4.

В Московской Руси критика могла уже проявляться лишь в форме Стеньки Разина и раскола?¹²⁾

Таким образом, Лавров, как и Бакунин, благоприятно относился к отпадению от России не только различных народностей, ей подвластных, но и частей русского народа, которые бы того пожелали, исходя из своих особых, местных интересов.

Лавров считал, что народ в России никогда не покорялся власти государства Российского терпеливо. „Протесты народа, — писал он¹³⁾, — были дики и грубы, потому что народ был отрезан от всякого развития мысли. Но они всегда были революционны, т. е. отрицали наличный государственный строй. Таков был протест скопцов Тушинского вора. Таков был протест раскольничьих скитов... Таков был протест кругов Стеньки Разина. Таков был протест присяжников Пугачева-Петра III-го“...

Автор статьи „Наши счеты“ в I-м томе „Вперед“ (с. 28) отмечал, что наследники первого Романова „задушили в крови протесты массы, шедшей за Разиным, за Пугачевым, волновавшейся со стрельцами, бежавшей в раскольничьи скиты“...

Особенно подробно о казачестве высказался Лавров в передовой статье газеты „Вперед“ (№ 22, 1 дек. 1875 г.). Поводом для статьи в заграничной эмигрантской газете послужила статья, напечатанная в легальном „Вестнике Европы“¹⁴⁾. Автор обозрения в „Вестнике Европы“ говорил, что социалистическая пропаганда в России не имеет шансов найти удобную почву в русском народе, так как последний бесконечно предан идее национального существования, т. е. идее государства, которой он жертвовал и страданиями, и отречением от местных стародавних вольностей.

„Колоссальные факты“, на которые ссылался автор обозрения, были таковы: „новгородская Русь не отгала от владений Московской“, Сибирь осталась в связи с Москвой, „Смоленск и Киев. тотчас по присоединении, плотно пристали к Московскому государству“, „сама Украина сохранила понятие о религиозной и племенной связи с нами“.

Лавров доказывал, что Новгород „отстаивал свою самостоятельность, пока мог ее отстаивать и покорился лишь необходимости“... „Он не мог свободно выбрать политического целого, к которому примкнуть. Но для русской государственности, олицетворенной в московских порядках, ни один новгородец не принес в жертву своей родины“.

„Не принес своей родины в жертву этой нелепой идее“¹⁵⁾ и ни один украинец, когда Украина вошла в состав Московского царства. Отстоять свою самостоятельность как аки не могли преимущественно потому, что их предводители имели перед собою не только политический, но и социальный вопрос. За несколькими десятками тысяч реестровых казаков стояла масса „посполитых“ крестьян, которые хотели воли и равенства, а Хмельницкие, Брюховецкие, Дорошенки, под влиянием привычек польского панства, не хотели создать государства равных и вольных для всего народа. Поэтому они сами подрывали свою политическую силу и борясь за политические права, искали в то же время поддержки своему социальному господству одного класса над другим. При этом завоевать политическую самостоятельность было невозможно. От Польши их разделяла религиозная рознь настолько же разделяла и ненависть народа к панам. Поневоле, с крайней неохотой, выговаривая себе права без возможности их удержать, украинцы примыкали к Москве.

¹²⁾ „Ист. Письма“, изд. 2-е, Женева, 1892, с. 230, 234. Цензура обратила внимание на это место еще тогда, когда „письмо 12-е печаталось в „Неделе“ (1868 г. № 41). Переселенков в „Официал. комментарии к „Ист. письмам“ П. Л. Лаврова“, „Былое“, 1925, № 2, с. 37.

¹³⁾ Статья „Потерянные силы революции“, „Вперед“, т. II, с. 241.

¹⁴⁾ „В. Е.“, 1875, № 11, с. 372-384, „Внутреннее обозрение“.

¹⁵⁾ Русской государственности.

„Они прекрасно знали, что за безобразное государство она представляет; они в отчаянии прибегали даже под покровительство султана турецкого (настояще-ко чужда была им идея „русской государственности“), но там не могло быть ничего лучшего. Они готовы были дружить и со шведами против Петра, и если бы полтавская битва кончилась иначе, едва ли они принесли свою самостоятельность в жертву кому бы то ни было. Но удар истории выпал против них. Они покорились необходимости, историческим условиям, опасностям социальной борьбы, но вовсе не покорились какой-то фантастической государственности“ (с. 674-680).

„Там, где народ действительно принимал в довольно значительном числе участие в политической жизни, как в Новгороде или на Украине в XVII веке, он, подобно всем народам мира, стоял, как мог, за свою независимость, но должен был покориться силе, обстоятельствам, условиям социальной борьбы, был продан господствующими классами“.

Автор обозрения в „Вестнике Европы“ (1875 г., № 11) заметил, что в русском народе даже „оппозиционные стремления... в крупнейших своих проявлениях, всетаки принимали государственный характер, свидетельствовали о верности самого бунта в России идее государства“. Конечно, — отвечал Лавров, — автор имеет в виду не раскол. Странно было бы подвести под эту идею государственности восстание Стеньки Разина, который в „прелестных“ письмах своих „извещал, что идет искоренить всякое чиновничество и власть, учинить казачество и учинить, чтобы всяк всякому был равен“...

„Остается Пугачевщина. И знаете ли, ведь именно Стеньку Разина и Емельяна Пугачева подразумевал автор (обозрения), говоря о „бунтах, верных идее государства“. Стенька, видите ли, тащил с собою какого-то черкесского князька, которого называл царевичем Алексеем, Пугачев называл себя Петром Федоровичем. И так эта верность бунта идее государства — негодовал Лавров, — выражалась потребностью в самознаниях или рутинным обращением к этим вывескам народных волнений начала XVII века“...

Лавров, выпуская в 1873 г. первый том своего „Вперед“, воспользовался столетней годовщиной (1773-1873), чтобы напомнить читателям два исторических факта, произошедших в 1773 г.: начало восстания Северо-Американских колоний против Англии и Пугачевщину. Первое, событие закончившееся созданием независимых Соединенных Штатов Америки, было событием блестящим, началом замечательного периода в истории, но — по мнению Лаврова — оно и весь истекший вековой период после него принадлежали прошедшему. Другое событие — появление 18 сент. 1773 г. Пугачева с войском... в 140 чел. перед Яицким городком — „вспыхнуло кровавым, пожирающим истребительным пламенем“, осветило пропасть бедствий русского народа, непрочность и лицемерие русского императорства, грозило уничтожением всему господствовавшему общественному строю... Но через год это пламя потухло“...

Тем не менее, в пугачевщине, — по мнению Лаврова — „в этом грубом взрыве негодования масс лежала вечно живая, — вечно нравственная, исторически творческая потребность человека решать вопросы общественного строя не в их эфемерных формах, а в их основной постановке...“, потребность бороться со злом и искать воплощения справедливости в казни этого зла. Поэтому, заключал Лавров, здесь лежало единственно возможное для человечества будущее“...

В пугачевщине — по мнению Лаврова — дело было не в раскольничьем кресте на знамени Пугачева, не в его „императорском“ звании. „Чья бы подпись не стояла под манифестами, лишь бы в них была „воля“, „вечная вольность“, „истребление помещиков“, народу было все равно... А в манифестах Пугачева стояли эти великие слова. В этих манифестах безграмотного казака, шедшего под знаменем нелепого верования, подписывавшегося фантастическим именем идиота, никому неизвестного (т. е. Петра III. Ч.), было более жизненных общественных начал, более крепких залогов, неотвра-

тимых грозных пророчеств для будущего, чем во всех гуманных „Наказах“, даже во всех либеральных и радикальных проповедях против алтаря и престола, раздовавшихся на берегах Темзы, Сены и Делаваара“...

Если Бакунин воспевал „казацки круги Василия Уса“, то Лавров ставил Пугачева и его социальную программу выше всех конституций мира. Идеализация Пугачева носила у Лаврова буйный характер. „Его „империя“ — писал Лавров, — к лету 1774 года простиралась на сотни квадратных миль. Его министры, секретари и полководцы превосходили сообразительностью и энергией деятелей екатерининских (?)... Победа Пугачева не была вовсе невозможна. Если бы Пугачев или один из его товарищей обладал тем починающим, организаторским, умом, который позволяет создать стройное целесообразное целое из страстного взрыва народа; если бы сотни отрядов и шаек, которые бродили по берегам Волги, истребляя помещиков и чиновников, были руководимы хорошо рассчитанною волей, то Михельсон был-бы задавлен, Цыплетев уничтожен, а они одни отстояли Екатерину. Если-бы, — гадал Лавров, — Михельсон не устоял, рассчетливые до нщы нашли-бы для себя выгодным признать Петра Федоровича, кто-бы он там ни был. А колебались, может быть, и не одни донцы“...

„Пугачевы, Чики, Перфильевы, — заключал Лавров, — были случайно... Сущность пугачевщины лежала в требовании массами, массами тружеников себе господства на земле, где они одни трудятся; в требовании для всего народа средств существовать и развиваться“... И Лавров с тоскою восклицал:

— „Где летаешь ты, предсказанный (Пугачевым), ожидаемый ворон?“

„Долго-ли русскому народу ожидать свое будущее“?... Читая эту статью Лаврова, дважды затем переизданную брошюрою, поражаешься ее лиризмом и страстностью. Сам Бакунин мог бы подписаться под этим произведением своего всегдашнего антагониста, до того восторженно идеализировал Лавров Пугачева и пугачевщину. Во всяком случае, Лавров гораздо серьезнее и глубже, чем Бакунин, знал историю казачества. Увлечение свое казачеством Бакунин и Лавров сумели передать и своим последователям.

Нечаев, издававший в 1870 г. ряд органов¹⁶⁾ в Женеве, поминал в них казачество. В „Народной Расправе“ (№ 1) Нечаев писал, что „всемирное восстание замученного Русского народа неминуемо и близко“... „в 1870 году в юбилей Разина и Пугачева осмысленная ненависть, (накопившаяся в мужицкой груди), грянет Божьим громом над... знатною“...

На студенческих сходках, предшествовавших большому беспорядку 1869 г. в Петербурге и др. городах, произносились речи с частыми ссылками на французскую революцию, на Пугачевский бунт.¹⁷⁾

В эмиграции Степ. Жемапов написал поэму „Стенька Разин“, а бывший участник казанского заговора Елпидин собирался издать „Политический альбом с биографиями Пугачева и Стеньки Разина.“¹⁸⁾

Исследователь народного быта, вскоре затем осужденный по делу нечаевцев, Прижов написал, но не смог опубликовать работу о народных движениях, начиная с разиновщины.¹⁹⁾ Николадзе, напечатавший под псевдонимом Никифора Г. в Женеве брошюру „Правительство и молодое поколение“ (с. 7) писал: „Бунт Стеньки Разина уцелел в народной памяти единственно потому, что он был вполне народным делом, и русский народ, считая Разина все еще живым, обнаруживает тем самым, как крепка в нем вера в будущее освобождение от крепостного ига во всех его видах“.

В пропаганде имени Разина видную роль сыграл легальный писатель Навроцкий, опубликовавший под

прозрачным псевдонимом Н. А. Вроцкий, сперва стихотворение „Утес“, а затем целую поэму. Русская студентка в Цюрихе Рашевская написала музыку к словам „Утеса“ („Есть на Волге утес“...), а вся молодежь в России запела эту новую песню, равно как и другую — о Разине и персидской княжне („Из за острова“). Казачья молодежь вспоминала старинные казацки песни о Разине.²⁰⁾ Революционное значение песен о казачестве не ускользнуло ни от революционеров, ни от правительства. Женевский орган анархистов „Работник“ посвятил (1875, № 3) фельетон „Песням о Стеньке Разине“. Приведя ряд песен автор писал: „Таков то был грозный атаман. Он хотел всех сделать казаками, а быть казаком, значит не платить царю подати, не работать на бар, владеть землей всем общинам вместе и управлять народом через выборных людей от самого народа“... В другом номере „Работника“, издававшегося „для народа“, говорилось о „казачестве, которое московским государством хитростью, да коварством, подарками да милостью было развращено и из вольного превращено в служилое“... Снова восхваляла Разина.²¹⁾

Не довольствуясь уже известными песнями, молодежь искала среди народа и записывала те песни, где говорилось о казачестве, Разине, Пугачеве, Булавине. Приведем из рукописного сборника 1870-х г.г. еще не опубликованную песню о Пугачеве:

То не ветер в поле дует
И волнует тьму цветов,
Так крестьяне торжествуют,
Что явился Пугачев.
То не волны в море хлещут,
То не шум прибрежных вод,
Так сердца в груди тревожат
У бояр и у господ...

Пугачеву слез не нужно,
Много сделал славных дел,
Много крови пролил нежной
Из боярских нежных тел.
Честь и слава Пугачеву,
Что перевешал он бояр!
Слава гетману лихому,
Что вступился за крестьян“...

На Украине пошли в ход песни гайдамацкие и подходящие из старинных, вроде:

„Ой, не дивуйтеся, добріі люде,
Що на Вкраїні повстало“.

• В „Вестнике Европы“ за 1871-й год (№ 5, с. 5—113) появилась драматическая хроника Н. А. Вроцкого „Стенька Разин“, посвященная Н. И. Костомарову. Автор излагал белыми стихами историю Разина. В первой картине Разин клялся отомстить за казнь брата:

... „будь покоен: за одну твою
Я сотни жизней их не пожалею;
Я долго жду и отомстить сумею“...

Разин собирался

„Удрать к татарам, да казны набрать,
А после, и к боярам грозным в гости:
Поминки править, брата помянуть“...

На уговоры войскового атамана Корнилия Яковлева Разин отвечал:

„Московский царь! Ему легко писать!
Он сыт всегда! Он, никогда, я чаю,
С голодным брюхом не ложится спать.
Да что нам царь! Нам, вольным казакам,
И без царя жилось не хуже прежде...“

В описании Навроцкого первый поворот Разина с Волги на Дон, когда он посылал станицу на Москву бить челом государю о винах своих пред царем, вызвал разочарование в простом народе: „Сторож воеводской избы в Царицыне держал такую речь:

„Мы думали, что вольный атаман,
Не из боярского, а из простого рода,
Добудет волюшку для серого народа,

¹⁶⁾ „Народная Расправа“ 2 ном.; „Община“, 2 ном.; „Колокол“, орган русс. освобождения, основанный А. И. Герценом, под редакцией агентов русс. дела“, 6 ном.

¹⁷⁾ „Нечаев и нечаевцы“, М. 1931, с. 77.

¹⁸⁾ Кн. Голицын „Ист. соц.-рев. движ. в России, гл. X“, СПб. 1889; Герцен „С. соч.“, т. XX, с. 28.

¹⁹⁾ „Мин. Годы“, 1908 № 2, с. 60.

²⁰⁾ Н. Кулябко-Корецкий „Из давних лет“, М. 1931, с. 33; Морозов „Повести моей жизни“, М. 1928, т. I, с. 45.

²¹⁾ „Борьба народа с государством“, „Работник“ № 6 (1875, июнь).

Побьет бояр, повесит воеводу.
И заведет казацкое устройство!...
Уж как надеялись, а вышло по другому!...
Явившись на Круг, где находится царский посланец
Евдокимов, Разин сперва загадочно говорит о цели
нового похода на город, где
... „живут такие люди,
С которыми мне надобно свести
Расчеты старые за все, что там забито,
Что там замучено, в сырой земле зарыто
И ждет давно отплаты палачам“...
Затем, после казни Евдокимова и угроз войсковому
атаману, Разин обращается к Кругу с призывом:
„Пришла пора! Идемте на бояр!
Идем на Волгу! Нас уж ждут давно,
И на Руси везде с почетом встретят,
Держись бояре! Все припомню вам!
За все заплатите! Сведем концы с концами,
И учиним расчет кровавый с вами
За все, что накопилось веками,
За кровь, за пот, за крепостной народ,
Который нас давно к себе зовет!..“

Следующей чрезвычайно драматической сценой была сцена в пещере, в Жигулевских горах, где Разин, отвечая на проклятия пустынноика ему за его злодейство, держит длинную речь:

„Не на грабеж иду я, я — другое,
Я — дело славное задумал совершить,
Решился я народу возвратить
Ту волю самую, которую бояре
Оставили лишь только для себя,
А от свободного покоя веков народа
Отнять успели...
Но волю-мать искоренить нельзя!..
Когда бояр я изведу повсюду,
Когда они исчезнут без следа
Тогда замрет их низкое коварство,
И от Москвы до всех окраин царства
Свободной станет русская земля!..“

Мы не можем рассказывать здесь всех сцен этой „хроники“ — смерти персидской княжны, пира Разина с товарищами, взятия им княжеской усадьбы. Но заключительная сцена прямо касалась казачества. В ней изображена была сдача Разина войсковому атаману Корнилию Яковлеву и его пророчество о грядущих судьбах Войска Донского:

„Поверь, старик! С моею головою
Падет и вольность войска твоего.
Орел московский смотрит зорким оком
И добирается давно до казаков.
Придет пора, могучими когтями
Он сдавит вас, и войско не вздохнет,
И в батраки московские невольню
Оно, бессильное, на веки попадет.
Живите, братья! Под его крылом
Тепло живет, так он вас пригреет,
Что уж о ваших нынешних правах
И заикнуться войско не посмеет!
Покиньте волю, верную подругу,
И величайтесь рабством, как заслугой,
И повинуйтесь прихотям Москвы!..“

Напечатанная в толстом и мало доступном журнале „хроника“ Навроцкого привлекла к себе внимание революционеров, которые попытались выпустить ее де-

шевой брошюрой под тем же названием „Стенька Разин“. Но так как это издание кружка чайковцев было канфисковано, то брошюру переиздали в Женеве, выбросивши из нее сцену с отшельником²¹⁾ и некоторые другие, но зато вставивши от себя совершенно революционные рассуждения и призывы.

Так, например, в разговор Разина с „немцем“ Бутлером вставлена была тирада Разина относительно необходимости народного ополчения: „А вы, немцы, у нас солдатчину завели; солдатчина нужна только царям: убивать волю народную, держать народ в неволе... Народное ополчение знает, за что бьется и против кого бьется, почему оно храбрее и стойче солдата. Оно не станет биться за бояр, да за прихоть царскую и против вольностей народа уже не пойдет...“²²⁾

В другом месте заставили Разина говорить: „Не бог холопей сделал, а царь с боярами“, вместо „но бояре“ (с. 32).

Мы не будем перечислять других мелких вставок, скажем лишь, что в „легальном“ тексте, напечатанном в либеральном журнале, было сказано столько и так, что женевские вставки кажутся совершенно излишними.

Естественно, что и Пугачев должен был найти своего революционного биографа в лице Л. А. Тихомирова, написавшего в 1872 г., в Москве брошюру (ее закончил князь П. А. Кропоткин) под названием „Емельян Иванович Пугачев или Бунт 1773-го года. Москва 1871“. Брошюре придан был легальный вид.²³⁾ На обложке добавили поговорку: „Не всякий умен, кто в красне наряжен, а бывает с умом и не красный Пахом“.²⁴⁾

В предисловии восхвалялось „имя удалого бойца за волю народную, имя Емельяна Ивановича Пугачева“. Автор отмечал, что „казаки по всем местам приняли с радостью весть о Петре III-м. Многие из них не верили, что Пугачев заправду император, но все таки соглашались идти за ним“ для спасения своей вольности (с. 43).

Говоря о настоящем, авторы брошюры обещали, что „найдутся атаманы не хуже Пугачева“ (с. 142).

Таким образом, „властители дум“ 70-х г.г. в былом вольном казачестве видели идеал и политический (республиканский) и социальный (равенство, общее владение и пользование всеми удобствами). Казак, пытавшийся в XVII в. (дважды) и в XVIII в. освободить крестьянскую Русь, должен был снова идти на помощь русскому крестьянству. Мы увидим дальше, кто и как призывал казачество к восстанию в 1870-х г.г., каково было участие казачьей молодежи в революционном движении и что произошло в казачьих землях в 1870-х г.г.

²¹⁾ У Навроцкого отшельник предсказывал Разину его казнь и освобождение крестьян через много лет царем.

²²⁾ „Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин“. (без места печати: Женева, 1873), 71 с., с. 20.

²³⁾ Было напечатано на обложке: „В типогр. Н. И. Коссова, Б. Лаврентьевка, дом Певцова, дозвол. цензур. 2 мая 1871 г.“

²⁴⁾ Ср. Тихомиров. „Воспом.“, М. 1927, с. 56 и 240. На некоторых обложках, как первой, так и второй брошюры, напечатано (соответственно): „Емелька Пугачев“ и „Стенька Разин“, и лишь на заглавных местах полные названия.

Как приняли французские комбатанты вольных казаков в свою среду:
В Лионском журнале „L'ancien combattant“, в номере за март с. г. под заголовком „Nouvelles Adhésions à la Fédération“ напечатано по адресу казаков-комбатантов так:

Une adhésion qui nous fait également honneur est celle de la „Fédération des Cosaques Anciens Combattants“. Sous la présidence de M. Ilia Kouvikoff, cette nouvelle société s'est déjà fait connaître en organisant admirablement plusieurs fêtes toujours bien réussies. En agissant ainsi ils resserrent les liens d'amitié qui doivent exister entre exilés, et nous les félicitons bien sincèrement de cet esprit. Nous leur souhaitons une cordiale bienvenue parmi nous et les remercions de leur adhésion à notre Fédération où ils ne trouveront toujours que des amis qui ne parlent peut-être pas la même langue mais qui ont un même coeur.

Константин Поляков.

О творчестве Б. А. Кундрюцкова.

Для современного казачьего поэтического творчества характерным является небольшое наличие произведений лирического характера. В этом отношении исключение представлял покойный наш поэт Ю. Ф. Гончаров, в творчестве которого главное место занимала чистая лирика.

То бранное, жестокое время, в которое живем мы, естественно, оказывает влияние на характер казачьего поэтического творчества, а потому оно далеко от чистой лирики и, когда мы знакомимся с произведениями казачьего поэта, перед нами встает поэт-гражданин, патриот своего отечества.

Но наша Родина пятнадцать лет б'ется в путях русского красного империализма, пятнадцать лет мы лишены возможности переступить родной порог... Само собой разумеется, что долголетняя разлука с отечеством порождает безграничную тоску и тогда главным мотивом казачьей поэзии становятся воспоминания всего того, что так дорого и близко казачьему сердцу: беспредельные, сросшиеся с окоем, степи, седое море волнующегося ковыля и залегшие среди него зелено-белые станицы, окаймленные голубыми лентами степных рек...

Все эти воспоминания вызывают острую тоску, которая, естественно, переходит в стремление борьбы для того, чтобы вырвать из рук врага все это близкое и родное, освободить залитый кровью народ, поэтому произведения казачьих авторов звучат набатом, призывом к бою, в них слышен звон оружия, из них брызжет кровь...

Тоска по Родине, вызывающая стремление к борьбе за свободу ее — вот главные мотивы творчества современных казачьих поэтов.

В ряду их Б. А. Кундрюцков, память которого мы сегодня чтим, занимал видное место. Он был крепким звеном казачьей литературной цепи, которая с таким трудом куется в этих тяжелых условиях жизни, в это бурное и ненастное для нашего народа время.

В его лице мы понесли ненаградимую потерю. Не так давно ушел от нас Юрий Гончаров, теперь смерть вырвала из наших рядов Б. А. Кундрюцкова... Она в двух местах прорвала наш литературный фронт. Но лучшим доказательством нашего уважения к покойным собратям и нашей признательности им будет то, если мы теснее сомкнем свои ряды для дружной дальнейшей работы во имя свободы Казачества.

Борис Александрович Кундрюцков является ярким представителем того течения современного казачьего творчества, о котором я сказал выше. Но и произведения чистой лирики занимают в его творчестве свое определенное место. Их можно найти в первом периоде его творчества, когда мы впервые познакомились с ним на страницах казачьей печати.

Характерным для творчества покойного поэта является его объективный характер. Не утомляет он читателя личными интимными переживаниями. Его творчество объективно, оно соответствует настроению многих, совпадает с переживаниями большинства казаков.

Всесторонней пламенной любовью любил поэт родное Казачество. Неудержимой силой влекло его к себе прошлое казачьего народа. И особенно останавливала на себе внимание Б. А. романтическая сторона прошлой жизни Казачества. Эту последнюю он отразил с исключительной живостью в своем цикле „Голутвенные песни“.

Читая их мы с полным правом можем назвать поэта художником крупного масштаба, потому что надо обладать большим дарованием, чтобы с такой яркостью рисовать картины далекого прошлого.

Перед нашими глазами ясно и отчетливо встает романтическое „голутвенное“ казачество. Всегда спокойное, оно постоянно чего то ищет и, поставленное условиями жизни в необходимость постоянной борьбы, проходит свой жизненный путь в непрерывных битвах с татарскими наездниками или на Волге с московскими стрельцами.

Степь раскинулась широко...

Вольной вольнице простор...

Развернулся вдаль далеко

Зеленеющий ковер... („К. С. № 8).

Эта беспредельная вольная ширь и воспитывала безгранично свободные натуры, полные энергии, которая искала выход в постоянных набегах и битвах. Но эта беспредельная степь цвела не только цветами, как говорится в казачьей песне „цвела она и казачьими головами“. И московские стрельцы, и турецкие янычары, и татарские наездники стремились взять ее у казаков. Здесь протекала жизнь полная опасностей, когда не верили никаким словам и договорам, полагались лишь на свою саблю и аркан. Тогда и рождалось у казаков то настроение, которое поэт выражает слегующими словами:

Нам любви ничей не надо...

Все неправда, все обман...

Шашка острая — отрада

Да узорчатый колчан... („К. С. № 8).

Жизнь полная опасности выковала в казачьей среде крепкое чувство товарищества и сознание того, что в обстоятельствах этой жизни самое ценное и самое надежное есть братское единение. Поэтому ни золото и никакие радости и благополучие жизни не ценились так высоко, как свобода и ее залог — вольная казачья семья:

Пусть разорвана рубаша,

Пусть я дикий и шальной —

Мне косматая папаха

Лучше девушки любой... („К. С. № 8).

В то далекое время царило примитивное право, всегда порождающее жестокости. Были они с обеих сторон, сплошь и рядом далекие от элементарной человечности. Усваивались они и романтической частью Казачества — „голутвенными“ казаками, тем более, что в разгаре битвы усыплялось чувство гуманности, хмелели люди от крови, а когда проходил угар битвы, то неизменной брагой и разгулом старались умолчать голос сердца. Тогда:

И под свист и под гик ошалелый

Я в присядку по кругу пройду,

Развернуся рукой загорелой

И папаху на землю швырну...

И потом буду пить до рассвета,

Полуголый лежать в ковыле... („К. С. № 8).

А когда старость тронет седую казачью голову и рука не так уж крепко начнет сжимать эфес сабли, с презрением отбрасывает казак мысль о возможной естественной смерти. Привыкшая к постоянной бранной жизни, ищет казачья вольница смерти в знакомой боевой стихии... Умереть, нанеся последний удар врагу — вот мысль, которая была свойственна казакам того далекого прошлого.

Но у „голутвенного“ атамана героя „Голутвенных песен“, рождается особое могучее желание, особой смерти ищет он:

Пусть схватят в битве, руки свяжут!

Пусть волокут, швырнут в подвал,

Пусть про тебя с проклятием скажут:

Он, насмехаясь, умирал!..

И под топор когда ты шеню,

Чекмень отбросив, обнажишь,

Ты всем сказать тогда сумеешь,

Как волей дикой дорожишь... („К. С. № 8).

Сильна физическая победа, волнующее чувство торжества порождает она, но неизмеримо сильнее ее победа духа, вызывающая целый комплекс чувств: и ликование, и чувство собственного достоинства, и торжество над бессильной злобой противника, могущего мучить и убить твоё тело, но беспомощного перед силой души.

Так умирали многие, оставив после себя неувядаемую славу, сохранившуюся до наших дней...

И конь, умчась в степь родную,

Седло порвав, уйдет в косяк,

И... может песенку, другую,

В степи сложив, споет казак... („К. С. № 8).

Много песен сложили казацьи баяны про этих богатырей казачьего духа и покойный поэт не обошел молчанием витязей этой сокрытой веками жизни. Цикл „Голутвенные песни“, — это цветущий венок на их древнюю могилу.

Воспоминание о вольном прошлом Казачества естественно вызывает у поэта сравнение с нашим настоящим и он приходит к положительному заключению, констатируя безграничную веру казака в торжество своего идеала:

Из века в век передалася
Упорно вера в торжество, —
И вот в душе, в душе зажглася
Мечта в святое Рождество...

Время не изменило казака, могучий дух не угас:
И гордый духом, ногу в стремя
Занес, схватившись за луку, —
Мы те же все! Бессильно время
Сломить упорство казаку...

По прежнему для Казачества самым ценным достоинством является Воля:

Как в старину, наган-пистоль!
И та же Дона булава!
И на знаменах слово: Воля!
И наш залог ей — голова!

Разобрав „Голутвенные песни“, мы проследили за взглядом поэта, брошенным в далекое прошлое, но наше настоящее заставляет поэта повернуться в свою сторону.

За последнее сравнительно короткое время слишком много ярких радостных и горьких моментов пережил наш народ, которые, естественно, сосредотачивают на себе переживания поэта — пламенного патриота.

Какие же мысли рождаются в голове поэта-изгоя, какими переживаниями живет его сердце? — Находим ответ в его стихотворении, напечатанном в № 14 „В. К.“:

И одна та у меня думушка
осталася,
На одно мое сердечко
отозвалось —
А одно то заветное
пусть скажется,
Пусть станичникам заветное
расскажется.
А о степушке та думушка
живет,
И за степь казак пойдет лишь
и умрет!

Эта „думушка о степушке“ ясной чертой проходит во всем дальнейшем творчестве поэта и не покидает Б. А. до конца его дней.

В этом же стихотворении мы находим и другие мысли, вызванные думами о Родине. Учитывая то тяжелое положение, в котором находится его отечество, поэт говорит:

Что-ж, казаченьки, родная
сторона
Картузами вся мужицкими полна —
Не пора ли бросить нам „одними“
жить,

Не пора ли Дону-батюшке служить.

Но время идет и далеко от Родины одни стареют и теряют силы, другие умирают... Поэт призывает своих братьев казаков, чтобы они напрягли всю свою мощь и бросили чужбину для спасения отчизны:

Год за годом протекает, как
вода,
Умираем и седеет борода.
Не подняться ль нам, тряпнувши
стариной,
Да расстаться с чуждедалней
стороной!

Как же реагирует поэт на настоящее подневольное положение Казачества? Здесь мы видим казачьего патриота, возмущенного до глубины души насильем, творимым врагами над его народом. Автор не говорит, а кричит:

Казачество... заплевано... разбито!
И степь! И Воля!.. О, позор!
Пусть кровью русской сталь омыта —

Стыдливо не опустим взор,
А мощные собирая силы,
Навек насилье проклянем —
Казачьи горькие могилы,
Мы вам присягу принесем!

Вспоминая недавнюю трагедию Казачества, когда русские эмигранты, нашедшие приют на его территории, сыграли такую роковую роль в судьбе казачьих государственных образований, автор говорит:

Долой чужих, разящих в спину, —
Для них ли степь мы берегли,
Чтоб нас, как „серую скотину“,
И степь в придачу поднесли...

Далее идет особенно ценная мысль, на которой мы должны особо остановить свое внимание. Поэт напоминает казакам эмигрантам их гражданский долг перед страдающей Родиной. Указывает на цель их пребывания в эмиграции:

Нет, братья! Наша воля — Воля!
Когда то бросили мы всех
И Дикое родное Поле
Не для забавы и потех!

Не для личного благополучия ушли казаки в эмиграцию, а для продолжения борьбы за свободу Казачества.

Народной правдой, свободой и жертвенностью для Родины руководствуется Б. А. в своей жизни:

Долой обман! Намек на рабство, —
Как сладостно нам умереть —
За казака, за Дон, за братство
Святою свечкою согреть!

Вспоминая все те несчастья, которые принесла Казачеству Россия, хмурится поэт при воспоминании одного ее имени, темная туча заволакивает его душу:

Станица где? И мать — монашка?
Отец? — За Дон, родной, погиб...
Кто говорит — Россия? — Тяжко!!!
О камни б голову расшиб!

И, указывая на другие народы, живущие независимой жизнью, поэт говорит:

Мы казаки иль батраки?
И почему живут народы,
А мы ушли с своей реки...

В конце стихотворения Б. А. окончательно знакомит нас со своим настроением:

Слезой сожженные ресницы
Пусть не закроют гордых глаз.
Ты Степь! Ты Дон!.. И вы станицы,
Вам наша жизнь и наш экстаз! („В. К.“ № 12).

И мы видим, что у поэта слово не разошлось с делом. Все свое творчество, свою жизнь и свой экстаз он посвятил своей отчизне. И так до конца своих дней...

Такого же характера стихотворения „Алтарь горит...“ („В. К.“ № 15), „Посвящение кавказским повстанцам“ („В. К.“ № 61-62), „Мятелица“ („В. К.“ № 98), и много других, в которых поэт говорит о своей Родине и о всех вопросах, вызванных ее настоящим положением.

Страдание родного народа и невозможность оказать ему непосредственную помощь порождают в душе поэта горькое чувство...

Знакомо ль вам казачье страданье
И на челе мучений тяжких знак?
Детей казачьих стон, вопль девушек плененных,
Разграбленный, сгоревший отчий дом?
Молчим!.. В сердцах и в мыслях воспаленных
Молитва — боль и грязи чей-то ком!

А когда поэт останавливается на героической борьбе восставших казаков, мы видим с каким чувством он реагирует на великие страдания своих братьев и можем констатировать, что надо иметь большое и чуткое сердце, чтоб так горячо и искренно выразить свои чувства, вызванные мучениями страждущих братьев.

В стихотворении „Погибшим в плавнях“ читаем:

Срываю я с себя в отчаянии одежды
И ноги в грудь в безумии вонзаю —
Закройте, братья, мне от слез больные вежды,
Смотреть на муки я отчизны не дерзаю...
Их душат там... Там с хрипом, задыхаясь,
Винтовку уронил слабейший боец...

Художественное дарование поэта дает ему возможность в ярких красках передать сверхчеловеческие мучения восставших, вступивших в неравный смертный бой с беспощадным врагом:

И плыли по реке, качаясь, мерно трупы;
Ворочились, цеплялись за кусты;
Казалось мертвецы, уставясь взором тупо,
Разжать пытались хладные персты,
Чтоб не улысть в безжизненное море
От той земли, где каждый жизнь узнал,
И радость первую, и первое же горе,
И воли сладостной всю прелесть испытал...

Но как бы то ни было, а все же ни какими словами нельзя точно передать великие человеческие страдания, нельзя измерить их, о чем поэт и говорит в заключение своего стихотворения:

Погиблие... Казачества сыны,
Я к вам тяну с мольбою руки...
Вы святы, мертвецы, вам... не нужны гробы —
В них не поместятся испытанные муки.

В „Посвящении кавказским повстанцам“ автор считает, что начавшиеся восстания знаменуют начало конца темной ночи — неволи Казачества и он призывает казаков-эмигрантов быть готовыми к решительному моменту:

Казачество, сочти свои ряды!
На черном небе гаснет звезд горенье,
Свет близок, за окном — конец ночной беды,
Приблизилась пора борьбы и дерзновения...

И поэт говорит о том, что в тот момент должен сделать каждый казак-эмигрант:

Поэт, разбей тоскующую лиру,
Долой кирку, рубанок и топор —
Все на восток лицом — вещает всему миру
Свет наступающий: ожил степной простор!!

Естественно, что момент будет требовать заменить кирку — винтовкой, рубанок и топор — шашкой и штыком, а поэт должен будет разбить „тоскующую лиру“, потому что:

Приблизилась пора — кровавая потеха,
Крылатая свободы взвилась тень,
которая даст другие темы поэту и лира его будет петь громкие песни борьбы.

„Мятелица“ („В. К.“ № 98) говорит нам о гордой готовности казака-повстанца, решившего погибнуть с оружием в руках, но не подвергаться гонениям и издевательствам оккупантов. В красивой форме и живо по содержанию передает нам поэт это настроение восставших:

У повстанца с жизнью счесть все покончено,
Умереть,
Умереть

За Огчизну осталось,
За казачью ширь, эту ширь необъятную —
Колыбелью свободы, что долго так звалась...

И хотя несет север страшные, невиданные до сих пор муки, но стоек в своей решимости борьбы казак:

Не пугает север долгими морозами,
В сердце есть идеи жаркий огонек,
Жизнь пришла к нам бедами, бедствием и грозами,

Но в горниле жизненном брат не изнемог!

И, как разбушевавшиеся волны моря неизменно разбиваются о гранитную скалу, так и разнузданные страсти оккупантов разобьются о стойкую волю казаков, о их решимость. И тогда придет свобода...

Ветры задувают ледяным дыханием
В лица похудевшие; в светлые глаза
Смерть глядит знакомая; но, полно сознание,
Что за право старое поднялся казак...
Знать еще осталось то, что не окончено!

Слово есть...

Последнее...

С него ложь очищена —
Будет наша ширь, эта ширь необъятная —
В ней хранится казачья истина...

Рассмотрев эти произведения, мы устанавливаем, что только пламенное сердце, полное любви к Родине, дало возможность поэту так ярко передать переживания людей, обреченных на гибель, а большие по-

этические способности автора способствовали заключению их в прекрасную форму.

Из под пера Б. А. вышли два больших произведения: „Войсковой старшина Голубов“ и сказ „Шелудякова слеза“. Первая говорит о известной всем нам трагедии Дона, которая разыгралась на наших глазах. Во втором же автор опять обнаруживает перед нами свое большое художественное дарование, говоря об историческом прошлом Казачества.

Он говорит о том времени, когда Разин задался целью убить боярское насилие и дать русскому народу строй, основанный на казачьих демократических принципах.

Мы видим Астрахань, занятую казаками и уже живущую казачьими порядками. Как же население ее приняло эту свободу и что она принесла ему с собой? Поэт говорит:

Пораскинулась Астрахань шумная,
Васька Ус правит год с небольшим.
Власть казачья по праву разумная
Все сердца привлекла давно к ним.
И торговля идет оживленная,
Веселится монгол и русак...
Ночь приблизится теплая, темная —
Запевает о воле казак...

Многое изменилось с установлением казачьей власти:

Погорели боярские башни,
Без заповров стоят ворота,
Стал хозяином люд и на пашне
Деловая теперь суета...
Отошли, позабыты оброки,
И подушная подать, налог,
Осужденным окончились сроки
И в амбар обратили острог...
Васька Ус правит твердый и сильный,
Стеньки Разина он старшина...
И в казачьей руке загорелой
Ровно солнце горит булавой...

Русский люд с радостью принял казачьи свободы, но, воспитанный боярской тиранией, не смог защитить их и своей пассивностью помешал казакам осуществить их замысел...

Разин потерпел поражение, русские войска подошли к последнему его оплоту — Астрахани. Но казаки не сдаются и здесь в жестокой битве за Астрахань погибает Василий Ус, во главе становится его есаул — Федор Шелудяк... Русские не могут взять города и предлагают казакам возможность пропустить их из города, приглашая для переговоров в свой стан есаула Шелудяка. Благородный казак, не подозревая злого умысла, едет сам... И здесь поэт рисует гибель казака:

Вырос темный широкий шатер...
Два стрельца вмиг подняли завесу...
Шелудяк внутрь шагнул и застыл, —
Прислонившись к крутому навету,
Князь Черкасский клинок обнажил,
Навалились сзади, схватили, —
Пошатнулся старик Шелудяк...
Как колодки на ноги забили,
Князь приблизился с злобой в глазах...

Это произведение — аттестат художественного дарования автора, ибо надо несомненно обладать им, чтобы будучи нашим современником давать читателю такие точные образы событий далекого прошлого, закрытого от нас веками.

Когда мы останавливаемся на последних произведениях покойного поэта, то видим, что в связи с его смертью они приобретают для нас особое значение.

В своем стихотворении „Дону“... („В. К.“ № 123) поэт с исключительной любовью говорит о Родимом Крае и поясняет, за что донские поэты и он в их чисте воспевают Дон:

За то, что землю он поил своей водою,
Ростил сада и пашни казаков,
С отеческой любовью святою
Вдаль провожал идущий строй полков...

И когда приходила смерть, то:

... в смертный час уста не уставали
О Доне ... о Тебе... с улыбкою шептать...

Поэт тоже поет о своем Родимом Крае:
О, Дон! и я пою в изгнании страдая,
О красоте твоей и о твоих сынах...
И знай — мой стих последний, замирая
Он будет о тебе и о твоих степях“...

А в стихотворении „О прошлом“ („В. К.“ № 124) мы должны остановиться на правильной, четкой мысли поэта в конце его:

„Нам личной жизни нет, творцам казачьей Воли,

И первым нам погибнуть суждено“...

Да, прав поэт, потому что тот, кто сражается в авангарде, всегда имеет больше шансов погибнуть, чем тот, кто уклоняется от боя. И вольные казаки, обозначившие фронт борьбы за свободу Казачества, знают это. Жертвы боя уже есть... Одной из первых стал Борис Кундрюков...

Покойный поэт писал почти во всех казачьих журналах, издаваемых в эмиграции. На основании этого, зная уже высокое качество его творчества, мы можем подчеркнуть и его исключительную литературную энергию.

Значение народного творчества велико. Это о нем в своих „Статьях и речах“ говорит министр д-р Бенеш, как о главном оружии в борьбе народа за свою свободу.

Книгочий.

Ф. Д. Крюков и его творчество в годы войны и революции.

I.

Лихой, ухарской удалью были неизменно нафаршированы сообщения „с театра военных действий“ (времен русско-турецкой войны 1877-78 г.г.) неподражаемого В. И. Немировича-Данченко, ныне благополучно здравствующего Нестора великих писателей земли русской в эмиграции. С тех пор с его легкой руки в русских писательских нравах утвердилась традиция писать о войне и, в особенности, „о солдатах“ („об эттакой серой скотинке“) в стиле восторженно-легкомысленной болтовни наивных воспитанниц „институтов благородных девиц.“

В июле 1914 года подавляющее большинство русской пишущей братии „препоясалось мечом“ и, пристроившись на теплые местечки корреспондентов „с театра военных действий“ многочисленных столичных и провинциальных газет, начало скопом, что называется, „работать на оборону“. И Серафимович*), и Бродецкий*), и Брюсов, и А. Толстой и многие другие неутомимо поскрипывали перьями, бодро и беззаботно описывая „подвиги наших чудо-богатырей“ („серой скотинки“ тож).

В романе А. Н. Толстого „Хождение по мукам“ этот автор показывает по рассеянности читателю самого себя под привлекательной внешностью газетного борзописца Антошки Арнольдова.

„Мы вступаем в героическую эпоху. Довольно мы гнили заживо. Война наше очищение, писал Антошка, брызгая пером“... („Хождение по мукам“ стр. 185).

Какая огромная пропасть между беззаботным шептанием многоголового и многоперого Антошки Арнольдова - Толстого и суровыми, сосредоточенными, полными глубокой тревоги за будущее и скорби за настоящее, статьями Ф. Крюкова, военного корреспондента „Русского Богатства“ („Русских Записок“) и „Русских Ведомостей“. Не даром русская военная цензура неистово вычеркивала целыми страницами его корреспонденции в „Русских Записках“ — вместо статьи Крюкова остаются сплошь да рядом лишь белые, безмолвные страницы, испещренные точками, обозначающими цензурные пропуски. Что и говорить, задача

В правильности этого взгляда не приходится сомневаться. Мы знаем, какое значение имеет Т. Шевченко в современной борьбе украинцев за свою свободу, знаем значение Гавличка-Боровского для чехов, Мицкевича для поляков и т. д.

В нашем случае мы прекрасно учитываем значение Сухорукова, Железнова, Крюкова и др. Это они в свое время препятствовали русскому началу порвать нить казачьего самосознания и передали ее новым поколениям. Преследуемые, ссылаемые, они не уступили и не дали умереть казачьей правде.

Я думаю, что значение творчества Б. А. Кундрюкова хорошо учитывают сами наши читатели, вольные казаки. Может быть не раз его песни согревали их сердца, застуженные ненастьем нашей тяжелой жизни, а может быть когда нибудь и укрепили веру в торжество нашей идеи; поддерживали горение надежды в наше лучшее будущее.

В этом значение творчества казачьего поэта для Казачества нашего времени и еще большее значение оно будет иметь в будущем, когда пробьет час казачьей свободы и новые поколения будут воспитываться на нем, зная, что в тяжелую для их Родины годину, были люди, которые поддерживали казачье знамя, готовое коснуться земли... И особенно отдадут должное тем, кто жизнь свою молодую посвятили служению Родине и, недождавшись торжества идеи, умерли с мыслью о ней и с великой любовью к родному народу.

историка становится невыполнимой в весьма значительной мере: редкие уцелевшие там и сям от цензурного террора крюковские фразы не могут заменить весь цензорами бесжалостно уничтоженный текст. Хорошо еще, если где нибудь сохранились рукописи Крюкова или хотя корректурные оттиски сраниц „Русских Записок“ перед отправлением их в цензуру. Пока эти материалы не будут отысканы и обнаружены, следует примириться с тем, что большая часть того, что Крюков писал во время войны и о войне, уничтожена и погибла.

Следует отметить, что не только в военные годы цензура донимала Крюкова. В до-конституционное время, как об этом свидетельствует письмо В. Г. Короленко к Ф. Д. Крюкову от 11 ноября 1898 года, не мало страниц и строк, посвященных Крюковым Казачеству, погибло, надо предполагать, по вине красных цензурских чернил. Короленко писал Крюкову следующее:

„Я не написал Вам раньше о той роли, которую в „обработке“ ваших очерков „Тихого Дона“ играла заботливая рука цензора... Я не выкинул бы прекрасных воспоминаний о прошлом, о „сермяжном войске“ и многого о Стеньке. Поверите ли вы, что мне стоил трех поездок в цензуру даже невинный разговор о Стеньке с мальчишками. Вообще — поверьте, что многие истинные вандализмы в Ваших очерках принадлежат не редакции“. („Д. Волна“, 1918, № 23).

II.

Зимой 1914-15 года Крюкову пришлось побывать на Кавказском фронте. Среди его заметок, пощаженных цензурой, отметим несколько строк, посвященных — казачьим песням и песням украинских солдат, в которых явно проглядывает его традиционное благосклонное отношение к украинской песне, и русках солдат, где Крюков не пытается скрыть своей неприязни к русским:

„Над Карс-чаем и за вокзалом и еще кое-где местах в двух, к ущелью, звенели песни: молодых солдат водили на прогулку и учили маршировать под пение. Прислушавшись, можно было угадать, в какой роте поют хохлы, в какой — кацапы; у одних песня звуча-

*) *) Теперешние сталинские клеветы.

ла мягко и нежно; умело с пониманием, со вкусом подбиралась голоса; даже выбор намекал на народность с тонким эстетическим чувством:

„Чи не вийде дівчинонька з чорними бровами“.

Другие просто шумели, ухали, гикали, подсвистывали, не очень заботясь о гармонии, но стараясь, чтобы вышло так, как требует основной параграф солдатской словесности: „ходи веселей“...

А когда веселые пластуны пели свои грустные песни, — затихала вся станция, замирала серочерная солдатская рать, сгрудившаяся на платформе. В грустном сумраке вечера стройно и печально лилась, поднимаясь и падая, тихая жалоба песни:

Не вертаються три брати,
Плаче стара мати.

И молча стояла толпа. Бередила горечью сердца песня, уносила мечты к родному, покинутому, знакомой тоской окутывала мир“. (Ф. Крюков. „За Карсом“, „Русские Ведомости“, 9 января 1915).

Проявленное в этом обрывке Крюковым отношение к русским не противоречит тому, что в одном довоенном его рассказе „Мечты“ говорит по адресу русских казак Маштак: „ваш брат вроде жиди на нашей стороне“ и отставной сотник Роман Ильич: „Самоуправный народ русские, до того самоуправный — просто говорить не хочется. Главное — правильности нет. Все норвают кучей на одного навалиться“.

А рядом с этим у Крюкова внимательное и дружественное отношение к украинцам: В ряду довоенных произведений Крюкова в рассказе „Новые дни“ гимназисты братья Поплавские поют украинскую песню:

„По-вій ві-тре
До-о схід сонця“

и автор пишет о том, как „тихо лилась нежная мелодия одинокого раздумья и косалась сердца щекочущей грустью томительной разлуки и грезящей любви“ и вообще о том, какое глубокое впечатление произвела эта украинская песня на героя его повести, учителя Краева, в котором внимательный читатель без труда может узнать самого Крюкова. Один из столпов „великой русской литературы“ Тургенев обмолвился относительно украинской речи знаменитым (и совершенно, в скобках заметим, бессмысленным) „грае, грае, воропае“, а поклонники Тургенева из русской эмигрантской стаи газетных борзописцев подвергли тургеневское „воропае“ ряду усовершенствований вплоть до „собачьего языка“, Крюков же поступает совершенно наоборот, всегда неизменно проявляя свое доброе отношение к украинскому языку. В рассказе „Группа Б“ („Русские Записки“, октябрь 1916) генерал не понимает украинской речи учительницы Поплавской, но Крюков отнюдь не собирается предать анафеме этот язык, как сделал бы на его месте каждый уважающий себя русский писатель. Крюков пишет всего на всего только, что у генерала „в ушах пестрым монистом пересыпалась торопливо-звонкая речь пани Поплавской — звучные, непонятные слова, как бусы, играли яркими незнакомыми красками“. На тургеневское „воропае“ только что приведенные слова Крюкова, как видим, совершенно непохожи. Причина очевидно та, что первый из них писатель русский, а второй — донской, не считающий для себя обязательными славные традиции „великой русской литературы“ со всем ее империалистическим презрением к „инородцам“, от Пушкина до Горького и Гладкова неизменно проявляемым писателями русского „корня“, к которым в последнее, советское время присоединились и весьма теперь многочисленные и процветающие писатели еврейского „корня“, с командных высот московского Кремля и собственного древнееврейского великолетия с величественным презрением смотрящие, по заветам Тургенева, на всякие копошащиеся у ног новых владык „национальные меньшинства“, этих потомков прежних инородцев.

Все это замечательно откровенно выразил известный современный критик Виктор Шкловский: „мы, люди русской культуры, в глубине души враждебны всякой „мове“. Сколько смеялись мы над украинским языком! Не любим мы не нашего. И тургеневское: „грае, грае,

воропае“ не от любви придумано“. (В. Шкловский: Сентиментальное путешествие. Берл. 1923. Стр. 230-231).

И такое же, не тургеневское и не шкловское отношение Крюков проявляет не только к украинцам. „Татары — трудный народ. Его повернуть хочешь, а он головой мотает: не понимаю мол“, — пишет Крюков со слов военных, обучающих солдат („Русск. Вед.“, 5 февраля 1916). Крутолобый солдат-эстонец чем то недоволен и ворчит „куррат“. Крюков прибавляет „по эстонски это ругательство и означает, кажется, „черт“ („Р. Вед.“ 30 окт. 1915). И опять таки — ни тени обычного в таких случаях русского пренебрежения и русской вражды.

А вот несколько слов и о своем донском языке: летом 1915 года при посещении одной из соседних с Глазуновской станиц директор станичной гимназии, старший сослуживец Крюкова, рассказывает ему о своем недавнем разговоре с одним из своих учеников:

— А у меня в диктанте ошибка: потемнели, а я написал по-тмянели... — По-казацки, значит? Ну ничего, мы — казаки. Авось троечку какнибудь наскребешь. („Р. Вед.“, 1 июля 1915).

III.

Поздней весной 1915 года в пору весеннего разлива рек, Ф. Крюков на некоторое время приезжает с фронта домой, в станицу Глазуновскую. Невеселые мысли владели Крюковым, и не только им, но и его собеседниками: „Говорили о немце. И волей-неволей оглядывались на себя, на свой уклад. Не то, что раньше не задумывались над этим — видели свои прорехи и прежде, — но вбивалось в голову, что это и надо, иначе и не бывает и быть не может. А вот подошло новое испытание, — привычное, освященное веками, не подлежащее критике и проверке, оказалось ветхим и лишь пылью богатым.

... гать розорилась, скотина тонет...

... остановились, стали обдумывать, как продвигаться вперед. Кругом зеленые левяды, вода, уже поросшая водорослями, густые зеленые хворосты, казацкие курени крытые железом, белые, уютные такие в зелени левад. Тепло. Звенят невидимые пчелки и мушки, бездонно голубое небо, наряден и просторен мир Божий в ярком весеннем сиянии. — Много еще добра у нас, говорю я, глядя на обширные левяды с вербами, тополями и хворостом...

— Да, лучше нашей жизни, вряд ли еще иде и есть... горячо, с гордым убеждением восклицает Никифор. ... Часа три потом ехали мы сносной дорогой по степи. Хутора, лес, луга оставались в правой руке и, спустившись в широкую низину Медведицы, медленно проплывали перед нашими глазами в теплом мареве дня зеленой, синей, волшебной-нарядной панорамой. Белыми облачками на зеленом фоне застыли вишневые сады в цвету. По степи были рассыпаны табуны, белыми пятнышками в зелень вкраплены были овцы, коричнево-рыжими, бурыми, пегими — телята, быки, коровы. Сжатые на толоках табуны придавали степи вид обилия и живого богатства. И хоть было это немножко самообманом, но становилось весело и радостно на сердце. — Жить еще можно...

Забылись и родные прорехи, безалаберность, беззаботность, даже невылазные дороги, потому что дорога стала сносна и мы беспечно уверились, что ехать и таким темпом недурно — поспеем в свое время куда надо“ („Русск. Ведомости“, 25 июня 1915).

Родные бездорожья вообще настраивали Крюкова на мрачный лад. После одной переправы через реку ему тогда, во время весеннего половодья 1915 г. удалось лишь чудом избежать смерти в быстрых волнах родной реки:

„На другом берегу точно ждал седовласый возница с дрогами, приспособленными для возки кирпичей или муки. Он усадил нас на эти дроги. а сам пошел с боку, повидимому, из соображений предосторожности: подъем в гору был крут, кособок и с подозрительным уклоном в сторону обрыва, омываемого внизу шоколадными волнами реки. Дроги все кренили в эту сторону. Мы, затаив дыхание от страха и ухватившись

друг за друга, чтобы, если суждено свернуться вниз, погибнуть вместе, забалансировав ногами иногда по зелено-серым гребням застывшей грязи, иногда по воздуху, когда дроги ныряли в черную, зияющую выбоину маленькая киргизская лошадка, упираясь и семени ногами вылезала из кожи. Порой останавливалась перевести дух. Но старик, бесстрашно месивший грязь с боку, кричал на нее грозным басом, бил концом вожжей по спине, и она вновь семенила, чмокая ногами в закрутившей грязи. Бравые казаки полицейские в фуражках на-бекрень стояли по сторонам дороги, где посуше, и равнодушно шелкали подсолнуховые семечки.

Выбрались. Облегченно вздохнули все — лошадка, извозчик и мы, седоки: ведь минуками казалось, что грозит нам неминуемая гибель в волнах родной реки... Нет, пронес Господь...

За три десятка лет, с тех пор, как я кончил гимназию в этой станице, она выросла вдвое, отстроилась не хуже губернского города средней руки, а улицы остались в состоянии той же первобытной свежести и непроходимости, как и тогда: косогоры, ямы, овраги, грязь, а в сухую погоду мелкая известковая пыль в удручающем обилии" („Русск. Вестн.", 1 июля 1915).

Первую годовщину объявления войны провел Крюков в своей родной станице. И вот с какими думами он ее проводил:

„Если оглянуться назад — не окинешь взглядом этот год, загроможденный событиями, как теряющейся вдали частой колоннадой, долгий, долгий памятный трепетными волнениями, ожиданиями, надеждами, разочарованиями, слезами и тоской ночей бессонных... Томительно-длинный год!..

Я пытаюсь обозреть его из глухого родного мне уголка, где встретил я и начало великой грозы. Я стараюсь вспомнить основные тона настроения первых дней — подробности уже задержались пеленой полузабвения, — поставить их рядом с нынешним моментом, сравнить, спросить и ответить: есть ли еще порох в пороховницах?

Чувствуется в глухом уголке что-то новое, отличное от прежнего, но по внешности не сразу ухватишь, в чем разница между вчерашним и нынешним днем. Провожали тогда, провожаем и сейчас в „добавки“, и даже удивлялась старая традиция казачья — с песнями выходят в поход, хотя нет уже традиционной „четверти“ под мышкой у стариков родителей и, казалось бы, трудно было настроиться на песенный лад. Но старая походная песня все же звучит, как звучала она год назад.

Тогда выступал, казалось, весь народ, — не было семьи, которая не провожала бы близкого. И степь за станицей была как необозримый лагерь... И чувствовался торжественный подъем в провожавших и выступавших в поход. Было смутное предчувствие чего-то огромного, неведение, гадание, — и среди тоски и слез расставания оно возвышалось над привычной обыденностью, отменяло ворох ежедневных забот, оттирало будни...

... Занялась песня вдали. Бородач ослабил поводья, конь понял и взял с места наметом. Через минуту в песню вошел новый голос, — он слегка дребезжал, но выразительно изливал тоску прощания с родным краем и рассказывал вечную жалобу на долю казачью.

Толпа стояла, прислушиваясь к знакомым звукам песни печальной и трогательной. Они уходили дальше и дальше, таяли, но издали грусть их звучала мягче и нежнее. И когда утонула в молчании звездной ночи последняя нота подголоска, тонкая и высокая, подросток Игнат завернул лошадей и бабы с детишками сели кучей на повозки, и колеса мягко зашуршали по пыльной станичной улице — назад, домой, к работе, к покою...

— Да, — сказал, вздрогнув отец Иван Помолчал и прибавил: — Да... Да... („Русск. Вестн.", 1915, 25 июля).

К тому же времени относится и рассказ Крюкова „Силуэты“, где автор в художественной форме изображает, как у мобилизованного иногороднего Костики, в момент прощания вспыхивает любовь к оставляемой станице. Снова знакомая нам уже картина проводов, написанная с большой художественной силой:

„Вышли за станицу, за гумна. Тут было просторно, зелено, ветрено. В прозрачной дали, куда уходили телеграфные столбы, четко белели игрушечные хаты Мокрого, иногда поблескивали на солнце облезшим железом крыши. Ребятня и девичья толпа широко растеклась по зеленому ковру, расцветила степь яркими, живыми, пестрыми пятнами. По горе, изрытой оврагами, белыми хлопьями рассыпались овечки. Белая пыль курилась над гумнами — веяли. Грузно дышал паровик на мельнице. Пахло нефтью и деготком.

Кто-то внутри Костики жадно вбирал в себя все это и говорил: в последний раз...

— Вот и все... прощайте, братья мои, сестры, прощай родной мой Глазунов! — сказал он, идя рядом с Петей Паненкиным, и улыбнулся. Но если бы не стыдно было, упал бы на траву, прижался к родной земле, взорвавшейся его, и заплакал бы горючею слезой...

Был он здесь чужой, на Казачьей Земле, как и все иногородние, „русский“ мужик. Ни клочка земли, ни животины, ни деревца своего... Но сейчас словно в первый раз увидел эту степь, кучу соломенных и железных крыш позади, облезшие главы церковки за ними, сады и рощи в печальной красоте осеннего урожая, овраги, коричневых телят, лежащих на траве, две арбы с тыквами, сползающие с горы... И почувствовал, что все это — его, родное, невыразимо дорогое, прочно приросшее к сердцу... Вот он мечтал об этом, как будто его провожать, как будет встречаться он с печальными глазами милых девушек, как заплачет над ним мать, побранивавшая его за долгое ночное шатание, — и вот пришло. Поют песни, идут большой толпой — все из-за него“ („Русск. Записки“, 1915, ноябрь).

IV.

Г-н Воротынский в своих занимательных воспоминаниях о Ф. Крюкове, печатавшихся в нашем журнале, сообщает, что с момента начала войны у Крюкова произошел резкий внутренний перелом и он стал сторонником монархии. Повидимому, во всяком случае монархизм Крюкова был ярко оппозиционен. Достаточно прочесть хотя бы два нижеприведенные отрывка из одной его статьи, относящейся вероятно к началу осени 1915 г.:

„Кажется, обобщая наша „святая тишина убогих деревень“ в нынешние дни стала еще глубже, словно выросла в неосызаемых своих размерах и раздвинула грани. По крайней мере в глубоком тылу. Как будто все громы, шум, крики и стоны сбились к одной стороне, а тут, за трепетной чертой огромного пожара, осталась лишь беззвучная пустота и немота.

Такое впечатление остается теперь от станичных будней и станичного праздника: тихо... ни шумной суеты, ни крикливого оживления, ни гармонии, ни песен, ни брани... Жизнь не вымерла, а как будто озябла, сжалась, примолкла, стала строже и как бы молитвенно ссредоточилась, ушла в себя, как бывает порой это в дни великого поста или великих бед народных.

Тихо... так бывает тихо, когда надвинутся свинцовые тучи на небо, хмурая тень тяжелым пологом повиснет над степью, потускнеют белые пески над речкой, пропадут в серой мгле лиловые холмы и синий лесок на горизонте и все живые, привычные слуху звуки вдруг замрут, словно проглотит их зловещее чудовище“ („Рус. Зап.“ 1915, октябрь).

Дальше Крюков описывает поездку в окружную станицу, где находит тоже безотрадное состояние, что и в своей Глазуновской:

„Но как и в родной моей станице, тут была та же немота, бессилие и недоумение, покорная прикреплённость к заботам будней и неодолимая робость перед мыслью о сознательном, активном участии в устройстве судьбы отечества. Кто-то где-то вершит большие и страшно ответственные дела. Вершители до очевидности плохи и неумелы, бездарны и недобросовестны. Всем — не в моготу. Но они так высоко и далеко, так неприступно укреплёны, что дико думать, чтобы люди, приросшие к маленьким делам, в глухом углу, могли взять на себя заботу о спасении отечества, могли поправить большое шатающееся дело. Им — одно утешение: ропот вслух в тесной компании и покорное ожи-

дание событий завтрашнего дня". („Рус. Зап.“ 1915, октябрь).

„Когда началась революция, читаем в одной статье юбилейного, посвященного 25-летию литературной деятельности Ф. Д. Крюкова, номера „Донской Волны“ (18 ноября 1918, № 23), Ф. Д. на конференции Народно-Социалистической партии единственный из числа присутствующих высказался за конституционную монархию, в силу чего принужден был уйти из партии. Впрочем это не помешало народно-социалистической партии перед выборами в Учредительное Собрание стремиться к сохранению кандидатуры Крюкова в народно-социалистическом списке. Но, как известно, Крюков выступил кандидатом только по казачьему списку.

V.

Долгое время пробыл Крюков на юго-западном фронте. Это пребывание принесло ряд сильно покровительственных цензурой статей в „Русских Ведомостях“ и художественные очерки „Группа Б“ („Русские Записки“ X—XI, 1916). Крюков ярко описывает состояние разоренного войной украинского населения, о чем могут свидетельствовать хотя бы такие случайно от красного цензурского карандаша уцелевшие строки, сиротливо чернеющие среди цензурных пробелов в „подвале“ номера „Русских Ведомостей“ (25 февраля 1916):

„Круглое славянское лицо среди городской обывательской толпы — редкость. Но и в деревне оно забывается в какие то свои норки. На лицо — женщины и ребятишки, „смирные, смирные, голодные, тихонькие. Редко-редко прозвонит девичий смех или детская песенка — подавленно молчит разоренная страна“. За этими печальными строками снова мрачный цензурский пробел. О чем писал там Крюков можно лишь отдаленно догадываться...

Но зато в „Группе Б“ писатель оставил таки яркое доказательство своего глубокого сочувствия разоренному и угнетенному украинскому народу. На вечеринке сотрудников отряда всероссийского земского союза „что-то порывался сказать учитель Лонгин Поплавский. Но на правом крыле, около доктора Петропавловского, подвыпившая и очень жизнерадостная компания запела песню. Кривой студент Кумов, так называемый Циклоп, лучший певец в отряде, начал „Из страны, страны далекой“. Песня всколыхнула всех — подхватили дружно, громко, немножко неистово, но голоса звучали молодо, свежо, выразительно...

Опять привстал Лонгин Поплавский и, поймав взгляд генерала, постучал пальцем в свою манишку. Генерал сказал на это:

— Добре! Ловите момент... Учитель утвердительно кивнул головой: „понимаю“. Нервно поправил галстук, покашлял в руку и словно прыгнуть нацелился, но опять сел. Генерал застучал ножом по пустой бутылке, стучал долго и настойчиво:

— Господа! просит слово вот... пан Лонгин Поплавский...

Учитель встал обвел кругом робким, умоляющим взглядом, подержался рукой за воротник у горла, робко кашлянул и начал, — чуть слышен был жидкий, взволнованный голос:

— Шановні добродії... Но тут же поправился, переревел:

— Ваши благородия... Он говорил заикаясь, поправляясь, чтобы быть понятным, но слушатели все таки понимали его плохо. Улавливали больше то, что звучало необычно для уха, в чуть-чуть комических сочетаниях: „демократичний державний лад“, „права людини і громадянина“, „грунт єдності“. Но одно было несомненно понятно: „пекучий нестерпний біль“ душой и телом истерзанного украинца и „трепетный живчик думки“ его, — будет ли в державе российской „перемоги“, которой он, от всего сердца желает, — будет ли он сыном или пасынком? будут ли его дети учиться на языке своей родной матери и не будут ли они горькими сиротами в великой Российской семье? Худой, маленький, он был комически торжествен в своей манишке. Но к концу взволнованной своей речи он как будто бы вырос и в глубокой тишине общего внимания стоял, как артист, покоривший толпу волшебной силой таинственного обаяния. Что-то заслонило призрачный комизм пышных слов, торжественного тона, самой фигуры — хрупкой и придавленной, с робким, словно ожидающим удара, взглядом. В жидком, минутах совсем замиравшем, голосе красноречивее всех слов разбито дребезжал стон перенесенных обид и страхов, голода, заброшенности, бессильных терзаний перед разоренной родиной и опустошенным гнездом. И еще явственнее звучала горькая дрожь тоски неизвестности, темных сомнений перед завесой завтрашнего дня... Как живой символ стоял он, изболелый и горький, образ своего несчастного края, истоптанного миллионами чужих ног, оголенного, поруганного, окровавленного.

И после этой долгой речи, на мало понятном языке, стояло смутное молчание в перевязочной.

Опять запел Циклоп — встряхнулись. Все пели. Разбитым стариковским голосом пел и Лонгин Поплавский, и трогательно звучал неуверенный его голос на этом единственном „грунте єдності“... („Группа Б.“ — „Рус. Записки“ 1916, октябрь—ноябрь).

(Окончание следует).

Думы и мысли.

Кто с нами, тот наш.

Дорогой станичник Редактор,

не откажите в любезности поместить в уважаемом журнале „В. К.“ мое обращение к соратникам станичникам.

„Там правды нет, где есть прищипка рабской лести; там исключен ум, душа развращена.“

Дорогие станичники!

Прошло пять лет с тех пор, когда нашлись люди, которые разговаривают с нами понятным казачьим языком. Кроме того, на страницах журнала „В. К.“ они предоставляют и нам возможность говорить. Пять лет раз'ясняют, не только нам, но и посторонним, наше прошлое, настоящее и то, что мы хотим в будущем. Для того, чтобы пять лет вести планомерную работу, выдерживая постоянные нападки и ухищрения наших противников, эти люди должны обладать большой энергией, стойкостью и верой в правоту своего дела.

Скажите, станичники, кто из наших „вождей“ с нами откровенно разговаривал, входил в наше положение?

Никто! Они только приказывали и призывали нас защищать чужие интересы.

Подводя итог всему этому, можно сказать: кто с нами, тот наш. С нами же, за нас и за нашу Родину Казак — журнал „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“ со всеми его сотрудниками. Это они освободили нас из пут бывших „вождей“, национально пробудили, сплотили и указывают единственно верный путь полного самоопределения Казачества.

Теперь все ясно, как Божий день. Журнал „В. К.“ осветил наше прошлое и настоящее, правильно определил наши подлинные интересы и указал точную цель. Остается только идти к этой цели, но здесь у некоторых не хватает решимости. Станичники, у нас хватило сил и решимости устраивать благополучие других, а неужели теперь для себя мы не сможем применить этих качеств?

Бывшие наши вожди признались, что они банкроты и все казаки отошли от них, но мы, вольные казаки, будем продолжать свое дело и сейчас нам надо разрешить следующие вопросы: созыв С'езда, выбор вольнокозацкого Атамана и организовать сношение с теми, кто нам сочувствует, начать стучаться...

Будем просить станичников: редактора и сотрудников оставить полемику с теми, которые уже не имеют никакого значения и сами признались в своей несостоятельности.

Пробудиться то мы пробудились, но еще много и часто влазят в нашу среду проходимцы, пользуясь нашей доверчивостью и простотой, и делают злые, нечистые дела, а потому нужна хорошая чистка.

В. В. Д., ст. Екатерининской Д. Уваров.

О некоторых „вождях“.

Милостивый Государь, г-н Редактор!

Прошу поместить в журнале „В. К.“ мое письмо к казакам.

Пробудись казак, довольно слушать бабушкины сказки и верить предателям.

Я никогда не могу забыть последних дней нашего пребывания в Крыму и Крымской эвакуации в гор. Феодосии. Я никогда не могу забыть и простить поступка со стороны полк. Соламахина, теперешнего „храброго вождя“ „русских казаков“, который поторопился ударить с фронта, занять подходящую позицию на пароходе, окопался там между чемаданами, а о казаках и думать забыл. Казаки нужны были только на фронте, теперь ему было безразлично, что случилось с ними, с казаками его же штаба.

Мы, казаки певческого хора, около сорока человек и часть конвоя покойного генерала Бабиева, прибыли на пристань последними около полуночи. Начальник команды у нас был один поручик, не казак, мы его попросили доложить о нас коменданту парохода, на который шла погрузка. Комендантом палубы парохода был Соламахин. Мы обратились к нему с просьбой разрешить нам грузиться на пароход, на что в ответ получили „громким голосом“, что на пароходе нет места тем, кто прибыл на пристань без оружия... Вся пристань была завалена оружием (винтовками и пулеметами), а нашему „вождю“ нужно было оружие на пароходе, который был битком набит людьми, а еще больше чемаданами „храбрецов“, подобных Соламахину. Нам было теперь уже не до оружия, т. к. местные большевики начали обстреливать пароход, а мы не могли получить разрешения грузиться.

К великому моему счастью, меня увидели с парохода мой станичники, связали вьючки и уздечки, спустили вниз и мы один за другим начали подыматься на палубу. На наше несчастье, увидел эту операцию Сола-

махин, примчался и геройски шашкой перерубил веревки, последнюю нашу надежду на спасение. Это было равносильно тому, если бы он оставшимся казакам снес шашкой головы, т. к. неуспевшие погрузиться на пароход казаки остались на милость большевиков, т. е. на верную смерть. Казаки, оставшиеся за бортом парохода по милости Соламахина, плакали, а все эти люди были уже старших лет, пробывшие на фронте всю великую и большевицкую войну. Такого предательского поступка со стороны Соламахина казаки никогда простить не могут.

Тут, в эмиграции, п. Соламахин показал себя тоже не лучше. Пел он разными голосами, но никому не может попасть в тон. Это пение за 12 лет всем хорошо известно, „певцу“ пора бы уже и перестать, до тошноты надоело его пение и его запугивания уже никого не пугают. Время запугивания и сажания под арест прошло, что имело место и здесь в Югославии, в начале эмиграции, когда п. Соламахин арестовал казаков певческого хора, якобы за оскорбление заведывающего хором ес. Кузенко.

Оскорбление казаками Кузенко заключалось в том, что казаки не дали ему эксплуатировать себя как рабов. Посыпались на казаков от заведывающего хором рапорты к п. Соламахину на „непослушание казаков“, который долго с нами не цацкался, а предписал откомандировать нас в полк, как „элемент негодный и неблагонадежный“, на самые тяжелые работы. Но этого мало. Отобрали у нас черкески, кинжалы и шашки, кулленные за наши же деньги и одели в нашу казачью форму „картузишников“ не казаков, а мы остались в шинелях. Приказано было нам (4 человекам) отправиться на место работ зимой; ни у кого за душой ни копейки денег. Один из нас ушел к брату, а нас трое отправились к ген. Зборовскому просить помощи и совета. Ген. Зборовский советовал нам, как певцам, отправиться к ген. Цыганок, не оказав никакой помощи на дороге, т. ч. нам пришлось продавать за бесценок оставшиеся лохмотья, лишь бы добраться до Смедерева и поступить на работы.

Вот как наше начальство заботилось о своих казаках, да и теперь не лучше, вся забота их заключается в издании приказов о взносах в различные фонды: и давай, казак, последние динары. Время бы уже освободиться нам от всех этих чужих фондов, а нашим „попечителям“ перестать разыгрывать кукольную комедию. Казак Терского Войска М. Л. Злобин.

(Смедерево).

Всем казакам

в рассеянии сущим и под игом большевицким пребывающим!

Милостивый Государь, г-н Редактор! Не откажите в любезности поместить на страницах нашего журнала письмо белградских казаков-студентов:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ,

дорогие станичники всех казачьих Войск!!!

Белградская Общеказачья Студенческая Станица поздравляет вас с праздником Светлого Христова Воскресения, шлет самые наилучшие пожелания, а главное — скорого возвращения в Родные Края.

В день Великого Христова Воскресения мысленно перенесемся в Родные Края к нашим братьям-казакам и казачкам; пусть каждый из нас хоть на миг перенесется к себе в станицу или хутор и почувствует тот гнет смертельный, какой испытывает наше Казачество в этот Великий день Воскресения; пусть каждый из нас подумает о том, что там нет никаких радостей, кроме далекой надежды; там не слышат даже церковного благовеста... И быть не может, чтобы при воспоминании о родной Колыбели, не ждалось от боли сердце казака за свой порог и угол, за Край Родной, за седую старину казачью, за Вольности. Пусть эта боль пронизет сердца наши казачьи и объединит всех до одного у Вольно-Казачьего Знамени. Все как один: отцы и дети, деды и внуки — к своему берегу.

Не будем распыляться по чужим партиям и группам, это ослабляет казачье дело.

Тот, кто не знал чужих партий, кто не служил чужим интересам, а своим и свое любил до безумия и дорожил им, — тот давно уже благоденствует в самостоятельной жизни своего государства. А все это благодаря сплоченности и неподкупной любви к своему родному. Тот, кто понимал, что под рукой „барина“ не будет возможности свободно жить и свободно дышать, тот отстранил ее и теперь сам себе господин. А мы, казаки?!. Где же наша гордость, где же наша любовь к свободе, к Казачеству, к своему девизу „верны заветам старины“, что мы до сих пор еще или прячемся от работы казачьей-национальной, отдавшись заботам своим личным и в это время сидим и выжидаем чего-то светлого, или же, состоя в чужих организациях, тратим свои силы в интересах этих организаций. К великому стыду нашему, среди нас есть еще и малодушные, кто не верит в воскресение Казачества свободного и независимого, а потому и не работают вместе с остальными казаками на деле восстановления своих Краев. Но в то же время они кипят в чужой работе, где о Казачестве даже не хотят говорить как о таковом. Почему же? Почему не пробовать свои силы в своей семье? Разве нам не над чем думать?..

Станичники! Задумаемся давайте над этим поглубже, посерьезнее.

Наш клич, клич молодых казаков, главным образом к вам, отцы и деды — военные и штатские, все равно, меж нами разницы не должно быть, особенно теперь... Знайте, родные, что болезненней нас, ваших детей, никто не переживает той драмы, что разыгрывается ныне в наших родимых Краях.

Вы говорите: „Нам мало осталось, мы может быть не доживем“. Так помогите же нам, ведь наша жизнь впереди. Говорите все вы о казачьем, держитесь своих, а не идите к чужим, и нам тогда будет легче, и надежда будет крепче и, поверьте, когда все мы будем вме-

сте защищать Казачество, говорить о себе перед другими одной монолитной массой, тогда и час освобождения истерзанного казачьего народа настанет для нас скорее.

Все мы в изгнании находящиеся, пошлем нашим родным туда: „Христос Воскресе!!!“ Мысленно, хотя бы, получим в ответ: „Востину Воскресе!!!“ А вместе все, сомкнув ряды свои плотнее, твердо, с непоколебимой верой скажем:

„Да воскреснет Казачество крепкое и здоровое в своем национальном единении и да будет служить оно себе — своему государству Казакии.

Станичный атаман Николай Букин.

Казачья эмиграция.

Христос Воскресе!

Г-н Редактор!

Вас, Ваших сотрудников и всех братьев вольных казаков поздравляю с Высокопраздничным праздником Воскресения Христова!

Христос Воскресе!!!

Дорогие братья! Тринадцать лет, тринадцать Светлых Праздников мы встречаем и провожаем на чужбине не с полной радостью в душе, но довольные хоть тем, что имеем возможность в этот Великий и Светлый День побывать в Храме Божьем и послушать там пасхальное чтение и песнопение, а затем, придя к себе на квартиру, мы имеем счастье вкушать освященной Пасхи, яиц и прочей снеди.

Этого блага „там“ наши родные и близкие не имеют. Они, бедные, в своих рубищах, голодные и холодные, не могут выйти из своих убогих хат и поспешить придти в Храм Божий и утешить себя там нынешним радостным событием.

Тяжело нам, на чужой стороне, без своих родных, праздновать День Воскресения Христова. Еще тяжелей приходится нашим родным отмечать этот День. Ибо они, наши родные, обижены варварами и морально и материально.

Разве легко было моей семье „там“ встречать Св. Пасху в 1931 году, когда она не имела даже куска хлеба и разговлялась одной картошкой? А разве теперь положение моей семьи и многих других улучшилось? Нет.

Так давайте, братья, хоть через посредство уважаемого журнала „Вольное Казачество“ пошлем „туда“ своим родным и близким наше приветствие Христос Воскресе!

Пусть наши сердца и сердца наших родных, в этот Великий День быются в унисон и тем мы здесь, а они „там“ облегченнее вздохнем.

Вот уже два года, как я не имею сведений о своей семье и родных и я не смею написать им, ибо им не хорошо бывает от красных палачей, когда получают мое письмо.

Подобных случаев и примеров, я думаю, не мало. Не смеют и наши родные присылать нам весточки от себя, т. к. бояться своих поработителей из краснокаменной Москвы.

Но пусть знает исчадие ада, что Христос воскрес для торжества всем людям на земле. Всякое зло и неправда, чинимые над нашими родными красными стервецами, скоро прекратятся. Не даст Господь врагам Казачества так подло и нагло попирать все то, что у нас почиталось за святое. Как например: Церковь, семейный очаг, поклонение Кресту Христову и почитание образов: Христа Спасителя и Его Святых угодников. Ибо святое писание говорит: „Бог поругаем не бывает“.

Итак, в этот нынешний День прославим Воскресшего Христа и быть может Он, услыша наши хвалебные Ему песни, поспешит воскресить и нашу Родину Казакию.

Н. Боровлев.

Сороковой день.

28 марта, в сороковой день смерти Б. А. Кундюкова, Белградская Студенческая Станица на могиле поэта в 4 ч. дня отслужила панихиду, а в 7 ч. в. в помещении станицы было устроено заседание, посвященное памяти покойного своего соратника. Перед публикой на стене на черном фоне висел портрет прежде времени скончавшегося певца Казачества. За председательским столом сидели: станичный атаман Н. Ф. Букин, П. С. Поляков, представитель журнала „В. К.“ в Белграде Н. М. Дмитренко и представитель калмыков студент С. С. Кульдинов. Заседание было открыто станичным атаманом, который объявил публике цель собрания и предложил память почившего поэта почтить вставанием.

Первым говорил П. С. Поляков, который в своем слове ярко подчеркнул кого мы потеряли в лице Б. А. Кундюкова. Обрисовав положение Казачества в прошлом и настоящем, П. С. Поляков закончил свою речь следующими словами:

— В лице Бориса не только мы, его друзья, понесли потерю, — в его лице целое Казачество потеряло искренне любящего сына и неустрашимого борца.

„В годину смутную развала и паденья духа“...

— когда десятки ему подобных казаков, таких же как и он, сынов Казачества трусливо попятались в ожидании исхода борьбы, ожидая, что кто-то за них сделает, а они поумничают и покритикуют...

„В годину смутную развала и паденья духа“...

— когда десятки ему подобных открыто ушли в чужой лагерь, отговариваясь наскоро придуманными причинами и пряча глаза... —

„В годину смутную“...

— Когда редуют ряды, тем дороже, тем ближе и тем драгоценней для нас — в.-казаков — память о Борисе... Недолго ждать, близится время, когда каждое слово, каждый шаг поставится в строку и каждому воздастся по делам его... — И тем чище, тем обаятельней заблестит имя Б. А. Кундюкова на фоне трусости, измены, предательства и низкого шкурничества... Вечная же память борцу за казачий народ и вечная и добрая ему память на Стени — Слава!

— Слава, слава!.. — раздалось в ответ.

Вторым говорил Н. М. Дмитренко, который подчеркнул главным образом энергию Б. А.

С. С. Кульдинов обрисовал вкратце жизнь Б. А. К. среди калмыков, его интерес к их быту и нравам и указал на то, что калмыки потеряли большого друга и брата.

Последним говорил Н. Ф. Букин. Он рассказал аудитории биографию Б. А. К., начиная с раннего детства. Самая интересная и особо ценная работа покойного началась, по словам Н. Ф. Б., в Донском кадетском корпусе, где он являлся постоянным сотрудником корпусного журнала „Донец“ и где он впервые начал работать на воспитании себя и других в духе казачьего национализма. Затем Н. Ф. Б. упомянул о неустанной работе Б. А. в вольно-казачьем движении, главное же внимание обратил на Б. А. как на поэта-гражданина главным образом.

... — С возрождением Казачества стала зарождаться и литература чисто казачья. В годы борьбы Казачества с русским большевизмом казачья литература, как таковая, не могла еще, в силу многих причин, ярко обрисоваться. Теперь же, когда Казачество продолжает бороться за самостоятельность, казачья литература в яркой форме казачьей национальной литературы выявила свое подлинное лицо. Литературный отдел является самостоятельной ветвью в освободительном движении казачьего народа. Сами же литераторы — поэты и писатели, — стоя на страже казачьих интересов, — являются самыми настоящими активными борцами за эти интересы, что и видно из их произведений.

Таким борцом активным, искренним, непрячущимся и являлся Б. А. Кундюков. Все мысли покойного сплотившись у алтаря будущего света для казачьего народа; все свои способности в поэтическом творчестве он нес на этот священный алтарь. Это была страдающая душа за свободу Казачества всего. И всеми силами, насколько ему способствовали его творческие средства, эти страдания он увеличивал у себя, преломляя таким образом свою беспредельную любовь к Казачеству, и уменьшал эти страдания казакам в изгнании тем, что читая его произведения, казаки находили душевный покой и отраду, а если и боль, то сладко щемящую сердце. В произведениях Б. А. мы можем больше всего найти именно страдания за свой народ. Это был истинный патриот и гражданин своей земли...

Дальше Н. Ф. Букин читает с пояснениями целый ряд стихотворений покойного певца Вольного Казачества.

По окончании своей речи станичный атаман обратился к аудитории с просьбой помочь материально больной и нуждающейся жене поэта с ребенком. Сумма в сто тридцать девять с половиною динар была здесь же Н. Ф. Букиным передана Е. Г. Кундюковой.

Среди присутствующих были: атаман Куб. станицы П. И. Курганский; пан голова Украинской Громады в Белграде А. Н. Зиверт и секретарь Громады пан Андриевский З. В.

(Соб. кор.).

† Б. А. Кундюков.

Покойный Борис Александрович, певец казачьей Свободы, был сын донского офицера — В. Ст. Александра Александровича Кундюкова. Последний окончил Донской кад. корпус, потом Ник. Кав. Уч-ще и оттуда вышел в 7 Донской каз. полк, находившийся в то время в г. Николаеве. Здесь и родился Борис Александрович. Очень рано, когда еще для ребенка необходима была полная семья налицо, Б. А. ее лишился. Оставшись с матерью, ребенок остро чувствовал отсутствие отца, что и отразилось впоследствии на его мировоззрении на семейную жизнь: ... „Что-что, но... лишить ребенка отца...“, — так говорил покойный отец своего трехлетнего сына Арсения. Мать Б. А. осталась без средств и потому приходилось искать подходящей работы, чтобы вскормить и воспитать ребенка.

В 1912 г., когда Б. А. исполнилось 10 лет, мать его обратилась к А. М. Сутулову (ныне донской ген.-л.) с просьбой — помочь ей определить сына в кадетский корпус. Через начальника канцелярии военных учебных заведений, при помощи А. М. Сутулова, ей удалось быстро определить сына во второй Петроградский кад. корпус.

С раннего возраста Б. А. отличался резвостью и любознательностью.

В Петроградском корпусе Б. А. пробыл до 1917 г., когда был вынужден бежать к себе на Дон в Новочеркасск, где и поступил в Донской кад. корпус.

Здесь как будто снова спокойно потекла школьная жизнь, но... поднялась война и Б. А. вступил в ряды Донской армии для борьбы с большевиками. Был награжден медалью 4 степени с надписью „За храбрость“. Перед эвакуацией Б. А. снова вернулся в состав родного Дон. кад. корпуса и в 1925 году с успехом закончил среднее образование, получив большую матуру.

Стремление к национальной казачьей работе Б. А.

впервые особенно ярко проявил в VI кл. корпуса. Обозовавшийся в корпусе дивизион с подкладкой далеко не политической, впоследствии принял окраску политическую, что заставило его переименовать себя в Кош, принявший организацию чисто казачье-национальную. Как в Дивизионе, так и в Коше Б. А. принимал деятельное участие в делах организации.

В корпусном журнале „Донец“ Борис Александрович был постоянным сотрудником. Здесь покойный поэт пробовал свои способности-талант, унаследованный от своей матери. Мать Б. А., благодаря своему веселому характеру и умению декламировать свои стихи, была всегда душой общества.

Характер свой Б. А. унаследовал от отца.

Окончив Д. к. к., поступил в Загребский унив. на агрономическое отделение. Сдавши 16 экзаменов, Б. А. переехал в Белград для продолжения образования; главным образом его потянуло в Белград потому, что, по словам Б. А., „в Белграде казачьи интересы среди казаков вырисовывались ярче, чем в Загребе“. Обстоятельства белградские так сложились, что Б. А. не мог продолжать образование и потому главное внимание отдал изучению истории Казачества и истории всеобщей. Будучи членом Белградской Студ. ст-цы, Б. А. много раз был членом Правления на ролях помощника атамана и станичного писаря.

На страницах журнала „В. К.“ Б. А. был постоянным сотрудником. Много энергии покойный приложил в области национального воспитания казачьей эмиграции и энергия эта не была даром затрачена. Много хороших, добрых семян посеял Б. А. Уходя из жизни сам, он дал другим жизнь, поведав много казачьих тайн своим станичникам, братьям-казакам.

Смерть, постигшая Б. А., застала врасплох всех в казаков. Покойный издавна страдал болезнью почек. Помню, когда прошлым летом П. С. Поляков водил Б. А. к доктору, по знакомству на бесплатный осмотр, — доктор, выслушав его, сделал удивленное лицо. Потом уже, когда П. С. и доктор остались одни, доктор сказал: „Ваш коллега может плохим кончить. Надо серьезное внимание обратить на почки“. Прописанное доктором лечение в силу эмигрантских условий жизни, конечно, не могло быть выполнено. А болезнь и время делала свое дело: организм постепенно подтачивался неправильным функционированием почек и, наконец, настало время, когда Б. А. нужно было лечь в больницу. Стараниями своих коллег и с согласия жены, Б. А. был отправлен в Государственную больницу г. Белграда на лечение, где и умер после четырехдневных тяжелых мук. Умер Б. А. от уремии (отравление мозга мочевой кислотой).

Итак... еще один ушел в мир, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхания... Не хочется верить... Но, ужасный факт в полной силе своей стоит перед глазами: нет одного из лучших сынов Казачества, понявших весь трагизм своего родного народа, и шедших по истинному пути к спасению всего Казачества. Бесконечно тяжело терять какой-нибудь семье того, кто все силы свои напрягал на то, чтобы поддержать ее в жизни, чтобы дать ей средства. Различные бывают средства к жизни. Материально покойный богат не был, но и тут показывал любовь к своему народу: бывали случаи, когда Б. А. последнее отдавал безработному казачку. Но сколь несоизмеримо большим богатством духовных сил обладал Б. А.! И эти силы он нес на алтарь служения всему Казачеству. Много уделял внимания Б. А. и калмыцкому народу, любил его, изучал его историю, быт, нравы, язык, на котором до некоторой степени мог объясняться и даже научил многое понимать на калмыцком языке своего Арсения. Часто посещал Б. А. калмыцкий храм молитвы; особенно любил бывать на празднике Цаган-Сара. Побывав первый раз на этом празднике, Б. А. удивительно красочно, поэтично и образно нарисовал чудную картину встречи этого большого праздника в своем произведении „Цаган-Сара“.

Душа покойного постоянно металась, искала всюду всего, что касалось Казачества или ему родственного. Не мало внимания Б. А. уделил и Украине. Приходилось поражаться — откуда в таком маленьком и сла-

бом теле такой здоровый дух и такой огромный запас энергии. С положительной верой в скорое воскресение Казачества, Б. А. и днем и ночью все помыслы посвящал ему. Надо-бы было еще пожить и поработать, но... закон, его же не преидеши.

17 февраля в 2 ч. дня в державной капеле состоялось отпевание тела. Пел в.-к. хор под управлением студента Кирья, Кон-тина Анисимовича, — казака Куб. В. Около 3-х часов похоронная процессия тронулась на кладбище. Огромная масса казаков и казачек следовала за гробом. От казаков был возложен не могилу металлический венок из белых цветов с широкой голубой лентой с надписью: „Верному сыну Казачества Б. А. Кундрюцкову от станичников“. Из частных венков был венок от семьи Дьяковых — из белых роз по овалному хвойному кругу. Внутри этого венка изящной розеткой был вделан флаг Казакии от казаков самостийников. Масса и др. цветов была возложена на могилу поэта. После отпевания на кладбище атаман Студ. ст. Н. Ф. Букин сказал прочувственное слово, отметив все заслуги покойного сотрудника.

Не мало казаков, по случаю болезни, отсутствовало на проводах тела Б. А. Из ближайших сотрудников отсутствовали по болезни О. Атаман П. С. Поляков и регент хора А. П. Черный.

С грустью уходили казаки от вечного жилища своего брата и друга. Жену покойного Б. А., Елену Григорьевну, в тяжелом состоянии увезли домой на автомобиле, любезно предоставленном к услугам станичником Кузнецовым (Куб. к. В.). Маленький „Гаморкин“, как называю сына Б. А. Арсения, лежал в это время больной гриппом. Только теперь Арсений стал замечать отсутствие отца, говоря: „Папа умер и не хочет идти гулять“.

Николай Букин.

Всем казакам и прочим друзьям большое спасибо за внимание, оказанное прежде времени скончавшемуся нашему коллеге за время похорон.

Сердечное спасибо всем казакам, пришедшим на помощь Студенческой Ст-це в похоронах Б. А. Кундрюцкова. Материальная помощь, собранная по подписному листу, значительно облегчила задачу станицы. Всего было собрано 651 динар. Оставшиеся 112 динар, вместе с присланными 88 динарами от смедеровских казаков, были переданы жене покойного.

Правление Б. О.-К. С. С.

Памяти Б. А. Кундрюцкова.

Многоуважаемый господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах журнала несколько слов, посвященных покойному Борису Александровичу Кундрюцкову.

15 февраля с. г. в Белграде преждевременно покинул жизнь и поле борьбы за святые идеалы Казачества — Борис Александрович Кундрюцков. Нельзя не отметить его стойкую и плодотворную работу, которую неуморно выполнял он на благо всего Казачества. Не одному казаку пришлось восхищаться его молодым и многообещающим литературным талантом. Радовалась казачья душа, видя перед собою молодого неустрашимого националиста и певца долговечковой мечты Казачества. Не одному казаку влил он в душу сознание и веру в себя, не одного казака своим звонким пером и словом пробудил от спячки.

Хорошо помнят его казаки Смедеревцы, когда приезжал он к нам и в двухчасовой беседе будил казачье сознание, раскрывая старые карты, редко кому знакомые. Убежденно вкладывал он в душу слушателей свое слово и текли по казачьим ресницам слезы... А Борис Александрович дрожал всем молодым телом...

Вставала тяжелая боль в душе казаков, когда живое слово древней казачьей истории и слово о царившей неправде ударило их по больным струнам...

...Все на корабль, наткнувшийся на мель. Рубите канаты... рубите!.. Этими словами закончил он доклад.

Почетный член Ломской вольноказачьей станицы адвокат НИКОЛА ПЕТРОВ, депутат (народен представитель) от гр. Лом.

Злая судьба не допустила сына седого Дона отрубить последний канат.

Спи же ты, славный козаче, вечным спокойным сном. Страницы истории не забудут твоего имени. Вечная память, вечный покой!

Куб. Войска, Я. Негреев.

Собрание памяти Б. А. Кундрюцкова в гор. Лионе.

Блок Вольно-Казачьих организаций гор Лиона, отдавая должное безвременно погибшему вольноказачьему поэту Б. А. Кундрюцкову, устроил в субботу 11 марта с. г. собрание, посвященное его памяти. С речами выступили С. С. Настоящев (Пред. „Союза Вольных казаков-сепаратистов И. А. Кувиков (пред. „Federation des Cosaques-Anciens Combattants“) К. Н. Юров (тов. пред. „Вольно-Казачьей кассы взаимопомощи“), А. К. Ленинов (предст. журн. „В.К.“), п. Бойко (голова „Украинской Громады“) и др.

Да будет пухом тебе земля братского сербского народа, спи спокойно, ратоборец за дело освобождения Казачества!!!

(Соб. кор.)

В Брно на первом казачьем сокольском вечере.

11-го марта с. г. в чешском отделении Сокола в Брно-Краловом поле был устроен Казачий вечер. Сокола — вольные казаки — организовали хор, который после непродолжительных приготовлений, под управлением Г. Е. Исаева, выступил перед чешской публикой, исполнив несколько казачьих песен. В конце каждого отделения выступали танцоры казачка и лезгинки.

В зале соколовны по одной стороне большого портрета Д-ра Мирослава Тырша, основателя чешского Сокола, висел чешский государственный флаг, а с другой стороны портрета висел флаг вольно-казачий, на котором были прибиты великолепно исполненные инж.-архит. С. К. Медведевым Донской, Терский и Кубанский гербы.

Перед началом Концерта хор пропел общеславянский гимн „Гей, славяне“ в чешском переводе, который был выслушан стоя. После гимна инж. В. В. Карпушкин прочитал на чешском языке реферат информационного характера, в котором подчеркнул значение Казачьего вечера и упомянул о существовавшей уже дружбе казаков и чехов и призывал чехов смотреть на казаков как на равноправных членов славянской семьи, стремящихся к освобождению своих Земель из под ига порабитителей.

Речь инж. Карпушкина была награждена бурными аплодисментами публики.

Казачек и лезгинка привели публику в восторг; так что после концертного отделения в перерывах между танцами повторялись несколько раз под гармонию, зурну и бубен.

В течение вечера все чувствовали себя, как члены одной семьи и многим не хотелось после окончания покидать зал. На другой день устроители вечера были засыпаны просьбами вечер повторить.

Не безинтересно заметить, что и перед этим казачьим вечером русская колония не упустила случая, чтобы не попытаться вставить в казачью колесницу спицы, но — попытка не увенчалась успехом.

Весь вечер казаки-сокола были в казачьих костюмах. Черкеску и бриджи сшил чешский портной Čeněk Zablacký из Král. Pole.

(Соб. кор.)

На первом казачьем сокольском вечере в Брно.

11-го марта с. г. в Крайовопольском отделении чешского Сокола был устроен Казачий вечер, который, несмотря на всевозможные затруднения, прошел блестяще. Публика, почти исключительно чехи, была в восторге от казачьих песен и казачьих танцев, а мы от того, что нас, казаков, теперь уже не смешивают с русскими.

Я был свидетелем того, как два пожилых чеха разговаривали между собой о казаках. Один в своем разговоре назвал нас русскими, но его собеседник тут же его поправил, объяснив, что это, брат, не русские а — казаки. — „Они такие же славяне как и мы, они говорят по-русски, но они — не русские. Теперь ты видишь сам этих казаков в натуральной величине и посуди сам, что общего они имеют с тем, что мы слышали о них до сих пор? Да и на русских они мало похожи...“

Или вот другой пример.

Говорят между собой чешские сокола. Их целая группа, человек десять. Один из них говорит: — „не понимаю, почему казаки себя не называют и не считают русскими. Сколько я с ними не сталкивался, всегда слышал от всех одно и то же: мы казаки, а они — русские. По моему это одно и то же“. — Другой резонно ему отвечает: — „Казак есть казак, русский есть русский, американец есть американец, но никак не англичанин, хотя язык у англичан и у американцев один и тот же. Мы, чехи, 15 лет тому назад были австрийцы и мало кто знал, что есть целый чешский и словацкий народ со своей историей и культурой и, если бы не было у нас людей, вот таких, как эти казаки, то вряд ли когда бы мы назывались чехословаками а просто, как до 18-го года австрийцы. Теперь ты поймешь, что вот эти казаки, это — авангард своего народа, который идет тем же путем, которым шли и наши лучшие люди...“

Побродив еще по залу и услышав еще несколько подобных разговоров, подумал я: „значит, не напрасно мы работаем!“

Чешская общественность начинает понимать нас, тем более здесь, в Брно, где русские круги имеют довольно сильное влияние. Так, например, перед самым вечером была помещена заметка в газете „Lidové poviny“ о том, что Сокол Кр. поле устраивает вечер русской музыки, на котором участвуют такие то и такие и поет русские песни — хор русских казаков. Но на плакатах было ясно написано, что поет казачий хор. Песни были только казачьи. Кому то надо было спровоцировать, но номер его не удался. Станичник

инж. В. В. Карпушкин перед началом концерта, после вступительной речи объяснил, что „Lidové poviny“ неправильно информированы и что вечер есть не русский, а казачий.

Странный человек, давший заметку в газету. Очевидно у него ненависть к казакам помутила голову. Ведь стоило ему немного подумать и он бы додумался, что в Брно есть достаточно русских сил для пропаганды чисто русского искусства. А на будущее этот лихой информатор должен знать, что нигде, никогда, ни одна казачья организация не устраивала русских вечеров, а только казачьи и никогда, нигде ни один казачий хор не называл себя хором русских казаков, а только казачьим хором. На что руссофильский брненский хутор и тот устраивает „казачьи вечера“, хотя в зале и висит бывший русский трехцветный флаг. Или возьмите хор г. Жарова, и тот претендует на имя „Казачьего хора“, хотя в его хоре казаков — кот наплакал.

Г-н информатор! Если вы читаете наш журнал, то зарубите себе на носу все вышеизложенное и в следующий раз не садитесь в лужу с вашим: „ростом миру по плечо“, а спуститесь немножко ниже. А умные русские люди могут также нам сказать, что „услужливый дурак опаснее врага“.

Но это еще не все. Перед вечером к старосте Крайовопольского Сокола явился начальник русского отдела Сокола Брно I и... „вломился в амбицию“. Как это так, дескать. На каком основании устраиваете казачий вечер?! Староста вполне резонно ответил: „Есть у нас в отделении казаки, поэтому устраиваем казачий вечер“.

Г-н русский начальник! Дерзость это с вашей стороны или просто нахальство? Вас, что-ли, спрашивать, что и как нам устраивать? Вашей выходкой вы вольными казакам весьма помогли, но себя... подкачали в глазах чехов.

Пусть над этим маленьким фактом читающие станичники немного подумают, особенно „невольные“, ибо мы, вольные, давно уже привыкли к подобным приемам наших противников, т. е. к постоянной, бессовестной и гнусной лжи, не говоря уже о русских „широких локтях“.

Однако, несмотря на то, что, первый вольноказачий вечер прошел блестяще, чем мы, казаки, сразу выиграли в глазах чешской общечеловечности. Хор, благодаря усилиям талантливого регента, ст-ка Г. Е. Исаева, показал себя достойным называться казачьим хором.

Итак, первый блин на пороге второй вольно-казачьей пятилетки у нас, Булавицев, комом не вышел, а это главное. Вольных казаков должны знать, о них должны говорить. А для этого надо нам работать, работать и работать.

Канд. инж. М. Запорожец.

В Новом Саду.

26.III.33. в Новый Сад из Белграда приехали атаман Студенческой ст-цы Н. Ф. Букин и представитель журнала „В. К.“ Н. М. Дмитренко. В 3 ч. дня в огромном помещении основной школы собрались казаки, приблизительно человек 90—100. Председатель собрания, полк. П. И. Недбаевский, представив казакам приехавших лекторов и, объяснив цель их приезда, объявил собрание открытым. Перед началом лекции известный казачий бандурист А. П. Черный под аккомпанемент бандуры спел одну старинную запорожскую песню, напомнив казакам о их бывшей воле и славе.

После этого Н. М. Дмитренко прочитал свой доклад на тему: „Происхождение Казачества“, основываясь на данных из трудов историков русских, иностранных и казачьих. Доклад был довольно обширный и в строго хронологическом порядке.

Буря аплодисментов раздалась по окончании доклада и на сцену появился снова бандурист, пользовавшийся большим успехом и любовью среди казаков. Дальше 10 минутная пауза, после которой выступил с докладом Н. Ф. Букин на тему: „Казачество в период 1917—1920 г.г.“ Для того чтобы совершенно было понятно положение казаков, в каком они очутились в 1917 г., лектор отступил вглубь истории и нарисовал постоянные взаимоотношения русских и казаков на протяжении

нии многих столетий. С большим интересом был выслушан докладчик.

П. И. Недбаевский от лица казаков благодарил белградцев за посещение, нарушившее однообразную, до некоторой степени, жизнь новосадских казаков.

После заседания казаки направились в ресторан, где была снята специальная зала для бесед. До 1 ч. ночи шли оживленные разговоры. Бандурист очень часто играл и пел, переходя, иногда, с старинных мелодий казачьих песен на „казачку“ или „лезгинку“. И каждый раз в „казачке“ выступала донская казачка У. А. Киселева, жена такого же знаменитого плясуна куб. к. И. А. Киселева. Постоянным ее партнером был станичник С. Ф. Долгий, неустанный танцор, певун и вообще говоря весельчак. Станичники Киселев и Рамазанов классически исполняли несколько раз лезгинку.

Были пропеты по общему желанию казачьи гимны и украинский.

Перед отходом на вокзал Н. Ф. Букин сказал прощальное слово, в котором выразил свое впечатление о делах в Н. Саду.

„Я увожу с собой самое отрадное впечатление о сегодняшнем собрании казаков. Прогивники В. К. становятся совсем незаметными; работа В. К. настолько серьезна и так глубоко проникла в массу казачью, что выступления противников в наш адрес носят очень жалкий характер. Я видел сегодня настроение казаков и это настроение дает мне сил работать и верить в скорое воскресение Казачества в своем государстве Казаки. Ближе, станичники, плечо к плечу... Правда побеждает.

В 2 с четвертью ночи белградские вольные казаки выехали из Н. Сада домой.

(Соб. кор.)

Вольно-казачья станица в Бухаресте.

В бухарестской газете „Наша Речь“ в № 87 от 29 марта с. г. помещено следующее:

В воскресенье, 26 марта, состоялось первое организационное собрание членов Вольного Казачества в Бухаресте.

Собрание имело публичный характер и на нем, кроме вольных казаков (28 душ), присутствовали, в качестве гостей, несколько эмигрантов украинцев и около 100 румын.

Председателем собрания был избран С. Маргушин, а секретарем А. Солдатов.

Вступительное слово председатель собрания С. Маргушин произнес по-румынски, подчеркнув в нем, что делает он это из уважения к румынскому народу, в стране которого казаки-эмигранты пользуются гостеприимным приютом.

Дав краткую историю Казачества, С. Маргушин подчеркивает, что в настоящее время, казачьи народы, находясь под тиранией красной Москвы, не утратили веры в возрождение своей независимости и продолжают героическую борьбу под лозунгом: „Око за око и зуб за зуб“.

Вольные казаки, перенося все лишения эмиграционной жизни, верят в независимость Казакии. Страна эта будет состоять из 6-ти казачьих областей (Дона, Кубани, Терек, Урала, Оренбурга, Астрахани и земель Калмыков).

Вольные казаки в Бухаресте до настоящего времени не были объединены. Целью настоящего собрания является — организация Вольно-Казачьей станицы в Бухаресте. Задачей станицы (Комитета) было-бы: сохранение казачьих самобытных национальных особенностей, организация моральной и материальной взаимопомощи и охранение казачьей эмиграции от тлетворного влияния коммунизма.

В управление станицы Вольных Казаков в Бухаресте избраны: атаманом станицы — С. Маргушин, помощником атамана — Я. Дулимов, секретарем — В. Дремачев, казначеем — А. Солдатов. Членами правления: М. Рышкин, М. Лукьянов, В. Поляков и членами ревизионной комиссии: М. Емельянов, В. Кабанов, А. Рыхлов и И. Крицкий.

Членский взнос определен в 20 лей в месяц.

Управление Станицы „Вольных Казаков“ в Бухаресте помещается в доме помощника атамана Я. Дулимова, по шоссе Пантелимон (остров), улице Б. № 15.

В Крагуеваце.

18 марта с. г. по просьбе казаков и с разрешения местных властей в Крагуевац приехал атаман Белградской Студ. Ст-цы Н. Ф. Букин с целью сделать доклад на тему „Казачество в прошлом, настоящем и будущем“. Доклад состоялся в зале отеля „Иадран“, куда и пришли казаки. Будучи слишком ограничен временем со стороны хозяина отеля, докладчик не мог подробнее остановиться на многих интереснейших исторических моментах и периодах казачьей жизни. Но все же и вкратце изложенный материал дал полное удовлетворение слушателям.

Последние в течение 2-х с лишним часов с большим вниманием слушали докладчика, а потом шла беседа — обмен мнений. Н. Ф. Букину задавались вопросы, на которые давались короткие, но исчерпывающие ответы. Казаки очень жалели, что столь недолгое время пришлось беседовать со своим гостем; страстное желание и дальше говорить о своем казачьем вывело казаков из положения. Они пригласили гостя в один из ресторанов, где и продолжалась беседа во время ужина. Характер беседы был чисто семейный, но все же по вопросу исключительно казачье-политическому. Больше всего интересовало настоящее положение Казачества и его готовность к будущей созидательной работе.

Тоска по широкой степи вызвала пение родных песен — одна за другой — без конца. Гость пытался несколько раз сказать последнее слово перед отъездом, но казаки не позволили попрощаться и общим голосованием было решено: „Остаться до утра“. В 5 с полов. утра 19 числа Н. Ф. Б. автобусом выехал в Белград.

Нужно было видеть — с каким колоссальным интересом казаки слушали историю своего Народа.

(Соб. кор.)

Победа вольных казаков в г. Крагуеваце.

Милостивый Государь, господин Редактор!

Не откажите в любезности напечатать в нашем журнале „В. К.“ следующее:

В г. Крагуеваце давно уже ведутся нападки на вольных казаков со стороны русских эмигрантов. Борясь с вольными казаками, они не разбираются в средствах, мораль их методов может быть свойственна туземцам Африки или Австралии, но чужда культурным людям. Мне тоже пришлось испытать на себе „чистоту“ их методов борьбы.

В июле месяце 1932 г. русские генералы: К. Алексинский, Н. Грузинский, К. Эггер; полковники: Г. Камуков, А. Расторгуев и И. Данилов написали на меня ложный донос по месту моей службы, выставив против меня ряд тяжких обвинений, воспользовались и своим излюбленным средством борьбы — обвинением в большевизме.

В результате их доноса я был лишен службы. Зная свою правоту, я начал борьбу с доносчиками и подал на них в суд. Пока я ждал суда, враги Казачества ликовали, добившись того, что лишили меня, жену и трех малолетних детей куска хлеба.

Они распускали по городу слухи, что Чекина, как представителя журнала „В. К.“, вышлют, а с остальными мы легко справимся. Но вышло не так, как хотелось русским генералам. Казаки националисты еще крепче сомкнули свои ряды и приготовились к бою с клеветниками генералами и полковниками.

18-го марта 1933 г. к нам приехал из Белграда казак В. В. Д. Николай Букин, который прочитал доклад о Казачестве. Молодой талантливый казак, Н. Ф. Букин влил в души казаков еще большие силы.

После доклада казаки собрались на ужин, где в первую очередь были пропеты Донской и Кубанский гимны. Ужин продолжался до полночи. Казаки не хотели покидать свою тесную семью.

Наш гость, Н. Ф. Букин, оставил самое отрадное впечатление. Утром я его проводил до автомобиля, с которым Н. Ф. уехал в Белград.

Это было 19 марта, а 21-го марта назначен был суд русским генералам и полковникам. Этого дня ждали с нетерпением не только волные казаки, но и русские люди и „русские казаки“.

Наконец пришел день 21 марта. В коридоре здания суда толпа русских. Генералы с потускневшими погонами привели с собой 12 свидетелей, в числе которых были и „русские казаки“. Невольно вспоминаю ноябрьские дни 1919 г. на Кубани...

Зал суда полон людей. На скамье подсудимых сидят три генерала и два полковника. Полковник Расторгуев отсутствует. Суд предлагает помириться. Я отвечаю, что на меня наклеветали, напали незаслуженно и потому я хочу доказать свою правоту.

Начался допрос свидетелей: Во всех их показаниях можно было слышать одно: „Я слышал, что мне говорил про Чекина такой то“, но ни один из них не сказал, что они прибегли к таким методам потому, что Чекин стоит за свободу своего народа и именно это заставило генералов сделать ложный донос. Но правда всегда остается правдой: не помогли им ни генеральские погоны, ни генеральские ордена.

В 4 часа дня 22-го марта в том же зале был прочитан приговор, который гласил, что вышеупомянутые 3 генерала и 3 полковника виноваты в клевете по ст. 301, но, признав их заблудившимися в своих действиях, суд осудил всех 6-х по ст. 304, на основании которой они должны заплатить подавшему жалобу 600 динар, всем свидетелям по 30 динар и покрыть все судебные издержки.

По прочтении приговора, казаки громко крикнули: „Живю Високи Суд, живела правда!“

Александр Чекин.

Чествование памяти Т. Г. Шевченко в Белграде.

11 марта Украинская Громада устроила чествование памяти своего народного певца Т. Г. Шевченко, приуроченное к 72-ой годовщине со дня его смерти.

Голова Громады п. Зіверт коротко ознакомил слушателей с биографией Т. Г., отметив главные моменты его жизни.

За словом п. Зіверта, последовала програма, в которой чередовались музыка, пение и декламация. Как и всегда у украинцев в Белграде исполнение всех номеров безукоризненно. Исполнительниц и исполнителей можно только хвалить.

Нельзя не отметить номеров, которые произвели наиболее глубокое впечатление на аудиторию. Это — пение „Заповіта“, которое прерывает стихотворение діда Цвігата, посвященное 72-ой годовщине смерти Шевченко („Заповіт“, по традиции, все выслушали стоя, обратившись лицом к картине с могилой Т. Г. Шевченко); слепой певец, казак В. В. Д. ст. Митякинської, исполнивший три вещи по украински. Первые две грустные, последняя веселая, исполненная им на „бис“.

Приятный голос и умение петь с душой заставили всю залу напряженно его слушать. Певцу кобзу или бандуру в руки и вам певец народной Воли и Славы с ожившей картины или памятника, будящий Казачество.

Очень хорошо декламировала пани Зіверт, передавая всю глубину переживаний матери, прощавшейся с дочерью.

В конце Голова Громады принес благодарность всем присутствующим за посещение. Особенно тепло поблагодарил п. Зіверт пани Колесникову за постоянное участие и поддержку во всех начинаниях Громады.

П. М.

В К а з а к и и.

Из писем оттуда:

I. С Кубани:

... Кто из нас пока еще остался в живых, то кое как при больших трудностях живем... Искали лучшего, но нигде не нашли хорошего... Теперь прибыли в... и тоже живем очень плачевно... У нас в настоящем году мало кто останется в живых — мрут с голода...

II. С Дона:

... Наше подворье отобрали... Нас выгнали из дома и все отобрали: животных, имущество и хлеб... Ничего у нас нет... Жизнь наша пропала, живем — нуждаемся, хлеба нет и купить негде, никто не продает — у всех пусто... Больше картофелем питаемся... Хорошего ничего нет, кроме плохого...

По советским газетам.

Ростовский „Молот“ продолжает кампанию за то, чтобы „железной рукой раздавить звериное сопротивление остатков умирающего кулачества“. Мы убеждены, что недалеко то время, когда Казачество железной метлой выметет из своих Краев зверей-оккупантов...

16 марта в „М.“ читаем, что донские „северные районы не извлекли уроков из занесения донских станиц на черную доску... Семена не собираются, тягло остается в таком же положении, к севу колхозы не готовы... Северные Донские районы попрежнему позорно топчутся на месте“...

18 марта: „В Краснодарском районе потакают кулацким попыткам организовать сокращение посевных площадей“... — Понимать это нужно, конечно, так, что местные коммунисты, несмотря на все свои старания, не могут „выжать“ больше того, чем выжимают, а московские правители такими „темпами“ не удовлетворены...

20 марта „М.“ приказывает: „Вести линию на окончательный разгром саботажа“...

Там же грозный окрик: „Где же бдительность славянской парторганизации?“

21 марта уже „воют“: „Кулацких саботажников, срывщиков сева — Диденко Д., Клименко, Яньченко И., Афанасенко Я., Лесникова Д., Тарасенко И. — вон из большевических колхозов, вон из нашего (?) края“... (все из Тихорецкого района).

Там же: „Вешенские коммунисты попустительствуют кулацкому саботажу“...

В Ейском районе „за одну пятидневку марта пало 170 лошадей“... „В Глафиrowsком колхозе „Красный повстанец“... в феврале и марте погибло до 30 лошадей“...

— По всему видно, что весенний сев идет плохо, как идет плохо все и всегда в рабской стране. А большевический карабач поднимается все выше... Только кажется, что там его уже не боятся.

22 марта „М.“ уже иступленно вопит: „Поднять ярость масс против дезорганизаторов полевых работ!“...

Там же: „Таганрогский район не готов к севу. Беспощадно разгромить кулацкую ставку на прекращение сбора семян“...

В станице Ладожской „недобитое кулацкое охвостье распоясалось на севе“...

23 марта: „Вредительская рука кулака хозяйничает в тракторских бригадах Анастасиевской МТС“...

27 марта: „Тысяча га в день — вот позорные темпы Тихорецкого района“...

В станице Хорошевской „за 15 дней ни одного килограмма семян“...

Славянскому району грозит участь станицы Полтавской.

23 марта в „М.“ объявляют: „Кулацкий саботаж застопорил массовый сев. Позорные темпы сева в Славянском районе — результат предательства партийного руководства“.

В том же номере, вместо передовой помещено постановление Северо-Кавказского Крайкома „о ходе сева по Славянскому району“, в котором объявлено:

а) бюро Славянского районного комитета партии распустить;

б) секретаря райкома т. Алексева, секретаря Славянского станкома тов. Политова с работы снять и из партии исключить;

в) за срыв снабжения трактористов, скверное качество ремонта тракторов и полное игнорирование нужд трактористов, председателя рабочкома Маркарова с работы снять и из партии исключить. Директору Проточной МТС объявить строгий выговор с предупреждением;

г) за явно проявленный саботаж в снабжении горючим тракторов исключить из партии и снять с работы с отдачи под суд зав. Славянским нефтескладом тов. Королева;

д) за явно вредительский сев (сев по пропащным без предварительной подготовки почвы, уборки сорняков) во второй бригаде колхоза „Ударник“ исключить из партии и отдать под суд полевода этой бригады Дервянкина. Отдать под суд бригадира этой же бригады Позина;

е) за явно вредительские нормы высева снять с работы и отдать под суд полевода колхоза „Красная Кубань“, х. Трудобеликовского;

ж) за саботаж в снабжении продовольственной и фуражной помощью колхозов, снять с работы и исключить из партии предс. колхоза „Красный Семенник“. Объявить строгий выговор с последним предупреждением предс. колхоза „Ударник“ т. Литвиненко.

На второй день, 24 марта, в „М.“ помещена передовая, посвященная Славянским „делам“, выдержки из которой приводим ниже:

... „Славянская партийная организация ничему не научилась на уроках станицы Полтавской, хотя имя этой станицы в представлении всей массы трудящихся Северного Кавказа неразрывно связано с особо упорным контр-революционным саботажем хлебозаготовок и осеннего сева, с предательством и изменой полтавской партийной организации. В самом деле, „из проверенных колхозов: „Красный Семенник“, „Путь к социализму“, „Ударник“, Славянского стансовета, а также ряда колхозов Стеблиевского сельсовета выяснено, что на полевых работах было занято большое количество малолетних. Сев проводился явно вредительски, по неподготовленной земле и не очищенной от сорняков почве. Очистка полей от сорняков совершенно не производилась. Пахота тракторами производилась при полном игнорировании постановлений Крайисполкома об агротехнике и, как правило, в 4,8 сантиметра с большим количеством огрехов. Нормы высева снижались. Горючее своевременно не подвозилось и тракторы простаивали по целым суткам. Посевной материал оставался в поле без охраны и созданы были условия для массового его расхищения“.

Весна требовала от славянской партийной организации всех сил для того, чтобы с корнем вырывать традиции, наследство „полтавских“ методов работы, для того, чтобы до конца разгромить саботаж и вредительство, для того, чтобы по-новому, по честному начать сельскохозяйственный год на кубанских черноземах, поганившихся кулацким охвостьем...

Факты, приводившиеся в нашей газете 15, 18, 20, 23 марта, количество посеянных гектар, качество сева, сама обстановка, в которой проходит сев — показывают, что в Славянском районе забыли уроки Полтавской. В славянской партийной организации не получили отпора люди, попытавшиеся под флагом „особенностей“ весны ревизовать ту линию беспощадного наступления на антиколхозные кулацко-контр-революционные элементы, линию неустанной, бешеной работы по сплочению честного колхозного актива, которую проводила и проводит партия и в период хлебозаготовок и сейчас...

... Классовой враг вновь поднял голову в Славянском районе, сумел организовать саботаж сева...

... Практика Славянского района учит — нет такого мероприятия, которое не мог бы обратить против нас классовый враг... В Славянском районе установилась прочная традиция, не видеть действительности, не вникать в нее — живое руководство колхозами подменено часовыми наездами в станицы, декларативными резолюциями. Только этим объясняются такие, из ряда вон выходящие факты, разоблаченные рейдом ударников печати, когда в Нижне-Стеблиевской МТС из 25 отремонтированных тракторов действительно годными к работе в поле оказалось только 6, когда в Анастасиевской МТС больше половины тракторов стоит, а работающий „Кейс“ вместо десяти гектар за сутки пашет два гектара, когда на тракторах оказываются рулевыми саботажники, известные с прошлого года, когда ежедневно разворовывается семенное зерно...

— В том же номере „М.“ „напоминание“: „Тихорецкие и Матвеево-Курганские парторганизации обязаны сделать немедленные выводы из политического банкротства руководства Славянской парторганизации...“

Темпы сева снижаются.

Из сводки „М.“ за 23 марта:

„Несмотря на то, что в сев вступают все новые и новые районы, темпы по краю снижаются. Массового сева в южных районах до сих пор нет. Особенно тормозят развертывание сева Усть-Лабинский район, Кореновский, Тимошевский, Темрюкский, Майкопский, Лабинский...“

Из сводки за 27 марта:

„Южные кубанские районы края продолжают затягивать развертывание массового сева. Отраденский район, например, за день посеял всего около 300 га, Невинномысский — 400 га, Кореновский — 700 га, Усть-Лабинский — 700, Темрюкский — 300, Майкопский — 650, Лабинский — 600. Позорными темпами ведут сев: Кропоткинский район, Тимошевский, Армавирский. Тихорецкий, Новопокровский.“

„Черная доска“.

На „черной доске“ 27 марта: ст. Хорошаевская, ст. Темжбекская, ст. Шкуринская; колхоз „Красный Кубанец“ (Тихорецкий р.), колхоз „2-я пятилетка“ (Миллеровский р.), 2-я бригада колхоза „Путь социализма“ (Краснодарский р.), 5 бригада колх. „Индустрия“ (ст. Поповичская), 5-я бригада колх. „1 мая“ (ст. Березанская), 4-я бригада колх. имени второй пятилетки (Богородицкое, Сальского р.).

Розыски.

М. Н. Стецынский, казак ст. Брюховецкой, розыскивает своего брата Григория Николаевича. Адрес: Михалко Стецынски, Јована Аранија, бр. 23. Новый Сад. Југославија.

Казак ст. Ново-Платнировской, Ейского отдела: Т. И. Горькуша, П. И. Чуприну, П. Е. Курилко, В. Ф. Белаша, И. Лисовца, И. И. Швеца, Трофименко, П. А. Дворника, И. Божинского, Н. Ф. Кононенко, М. М. Герасименко и Я. Г. Бурсу (ст. Челбаской) розыскивают станичники. Адрес: П. В. Садилковский, Парна-Пивара А. Д., Скоплье. Југославија.

И. И. Безуглов розыскивает Всеволода Георгиевича Безуглова, казака ст. Орловской. Адрес: Tschechoslovaque. Bratislava, Maršnerova ul., č. 13, I. I. Bezuglov.

Открыта подписка на 1933 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в С.С.Р. 1 корунову знамку, из-за границы
 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.